

Муниципальное казённое общеобразовательное учреждение
«Каменская средняя общеобразовательная школа № 1
с углублённым изучением отдельных предметов
имени Героя Советского Союза В.П.Захарченко»
Каменского муниципального района Воронежской области

Составитель: И.А.Суязова

В помощь выпускникам: зимнее сочинение

Направление 4: ПУТЬ

п.г.т. Каменка, 2015

Оглавление

№	Содержание	Стр.
1	Несколько слов о направлении ПУТЬ	4
2	Прислушаемся к мудрым...	4
3	Темы сочинений	5
4	ДОРОГА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ. Схема	6
5	<p style="text-align: center;">Советую прочитать</p> <p>Цель жизненного пути:</p> <ul style="list-style-type: none"> ➤ Д.С.Лихачёв. «Цель и самооценка» (письмо шестое). 6 ➤ А.Платонов. «Неизвестный цветок». 7 <p>Смысл жизни:</p> <ul style="list-style-type: none"> ➤ В.М.Шукшин. «Одни». 9 ➤ А.Москвин. «Универсально рецепта...» 13 <p>Поиск смысла жизненного пути:</p> <ul style="list-style-type: none"> ➤ Н.А.Некрасов. Фрагмент поэмы «Кому на Руси жить хорошо». 13 <p>Пути добра:</p> <ul style="list-style-type: none"> ➤ Ольга Рожнёва. «Тесный путь Рассказы для души». 14 ➤ Б.Васильев. Фрагмент повести «Летят мои кони». 16 ➤ Д.С.Лихачёв. «Самое большое» (письмо третье). 16 ➤ Д.С.Лихачёв. «Путиами доброты» (письмо сорок шестое). 17 <p>Дорога, ведущая к счастью:</p> <ul style="list-style-type: none"> ➤ Н.А.Некрасов. «Мы разошлись на полпути...». 18 ➤ И.Бунин. «О счастье мы всегда лишь вспоминаем...». 18 ➤ Л.Рубальская. «Последний мост». 18 <p>Путь в вечность:</p> <ul style="list-style-type: none"> ➤ М.Алигер. «Зоя» (фрагмент поэмы) 18 ➤ С.А.Есенин. «Мы теперь уходим понемногу» 19 <p>Путь к профессии:</p> <ul style="list-style-type: none"> ➤ В.Брюсов. «Путь к высотам». 19 ➤ А.А.Ахматова. «Когда б вы знали, из какого сора...» 19 <p>Путь познания себя:</p> <ul style="list-style-type: none"> ➤ А.А.Блок. «Стою на царственном пути...» 19 ➤ Н.Зиновьев. «Богатство». 20 ➤ Н.Зиновьев. «Завет». 20 ➤ А.С.Пушкин. «Товарищам». 20 ➤ М.Цветаева. «Над синевою подмосковных рощ...». 20 ➤ М.Цветаева. «Молитва 20 ➤ И.С.Тургенев. «Мы ещё повоюем» 21 	
6	ПУТЬ РОССИИ. Схема	22
7	<p style="text-align: center;">Советую прочитать</p> <p>Жизненный путь страны:</p> <ul style="list-style-type: none"> ➤ А.Т.Твардовский. Фрагмент поэмы «Да далью – даль». 22 ➤ А.А.Блок. «Опять, как в годы золотые...». 24 <p>Дорога памяти:</p> <ul style="list-style-type: none"> ➤ С.Есенин. «Серебристая дорога...». 24 ➤ С.Есенин. «В красном вечере задумалась дорога...». 24 ➤ К.М.Симонов. «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...». 25 ➤ А.Т.Твардовский. «Когда пройдёшь путём колонн...» 25 	
8	ПУТЬ В НИКУДА. Схема	27
9	<p style="text-align: center;">Советую прочитать</p> <ul style="list-style-type: none"> ➤ Ч.Айтматов. Пересказ фрагмента романа «Плаха» 27 ➤ Ф.Углов. Главы «Из плена иллюзий» 28 	

10	ОБРАЗ ДОРОГИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ. Схема	33
11	ПУТЕШЕСТВИЯ Советую прочитать ➤ Д.С.Лихачёв. «Путешествуйте» (письмо двадцать девятое) ➤ А.С.Пушкин. «Дорожные жалобы» ➤ Н.Рубцов. «Дорожная элегия» ➤ Ю.Визбор. «Ах, дорога, дорога, знакомая синяя птица» ➤ Н.А.Некрасов. «В Европе удобно, но родины ласки...» ➤ А.А.Фет. «Италия» ➤ М.М.Пришвин. «Путешествие» (фрагмент рассказа)	34 35 36 36 36 36 37
12	Добавочка ➤ В.Кулик. Притча в выборе жизненного пути	

ФИПИ: Путь - направление актуализирует конкретное и символическое значение понятия «путь», нацеливая на нравственное и философское его осмысление. Диапазон размышлений широк: от дорожных впечатлений к раздумьям о судьбе человека, образе его жизни, выборе цели и средств ее достижения.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НАПРАВЛЕНИИ «ПУТЬ»

Слово ПУТЬ так же, как и слово ДОМ, многозначно.

Это – пространство между какими-то пунктами назначения.

Это – путь следования.

Это – этапы жизни отдельного человека.

Это – этапы жизни целого государства.

Это – путешествие, которое позволяет узнать новые страны, увидеть новые места, познакомиться с новыми людьми.

Это – познание себя, окружающего мира.

Это – нравственный жизненный путь человека.

Если мы заглянем в современный толковый словарь русского языка Т.Ф.Ефремовой, то прочитаем:

Путь м. 1) а) Полоса земли, служащая для передвижения (езды, ходьбы); дорога. б) Любое место, линия в пространстве, по которым или в пределах которых производится передвижение, сообщение. в) Железнодорожная или трамвайная колея. 2) а) Место, по которому можно или следует пройти, проехать. б) Расстояние, которое предстоит пройти, проехать или которое уже пройдено. в) перен. Доступ куда, к кому-л. 3) а) Линия движения в какую-л. сторону, к какому-л. месту (обычно заранее определенному, намеченному); направление. б) Определенная линия движения, перемещения планет. в) перен. Направление деятельности, развития кого-л., чего-л. г) перен. Жизнь человека, ее течение. 4) разг. Процесс езды, передвижения; поездка, путешествие. 5) а) перен. Средство, способ достижения чего-л. б) Образ действия.

ПРИСЛУШАЕМСЯ К МУДРЫМ...

Д.С.Лихачёв. Следование путем добра – путь самый приемлемый и единственный для человека.

Н.Д.Арутюнов. «Путь – это своего рода якорь спасения, брошенный человеку в бушующем океане стихии и хаоса.

Вэйн Дайер. Пути к счастью нет: счастье – это и есть путь.

Конфуций. Если ты любишь свое дело, это – не работа, это увлекательнейшее путешествие к мечте.

Стив Джобс. Сделай шаг, и дорога появится сама собой.

Фрэнсис Бэкон. Ковыляющий по прямой дороге опередит бегущего, который сбился с пути.

Поль Валери. Когда достигаешь цели, понимаешь, что путь и был целью.

Данте Алигьери. Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят что угодно.

И.Губерман.

*Два смысла в жизни – внутренний и внешний,
У внешнего – семья, дела, успех;
А внутренний – неясный и нездешний –
В ответственности каждого за всех.*

Хайам Омар (1048 — 1131) — персидский поэт, философ, математик, астроном, астролог

*В этом замкнутом круге - крути не крути -
Не удастся конца и начала найти.
Наша роль в этом мире - прийти и уйти.
Кто нам скажет о цели, о смысле пути?*

Энтони Роббинс. Дорога в «когда-нибудь» ведёт в никуда».

Л.Н.Толстой. Для того чтобы человеку хорошо прожить свою жизнь, ему надо знать, что он должен и чего не должен делать.

В.Шекспир. Моя честь – это моя жизнь, обе растут из одного корня. Отнимите у меня честь – и моей жизни придёт конец.

О.Генри. Дело не в дороге, которую мы выбираем; то, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу.

Р.Гамзатов.

*Наверное, на свете не найти
Людей, ни разу не сбивавшихся с пути,
Сердец, ни разу не окутанных туманом.
И коль у друга твоего стряслась беда:
Сказал не то, не тем и не тогда -
Его ошибку не считай обманом... »*

Борис Акунин. Главный долг каждого человека перед Богом – найти себя, собственный путь, прожить свою, а не чужую судьбу.

Рабби Барух. Мир наполнен светом для того, кто знает это, и покрыт тьмой для того, кто теряет свой путь.

Конфуций. Путь благородного человека рождается в нём самом, но проходит проверку у народа.

Сергей Довлатов. Единственная честная дорога — это путь ошибок, разочарований и надежд. Жизнь — есть выявление собственным опытом границ добра и зла.

Лион Фейхтвангер. Тяжек путь к умению жить в мире с миром, но не покоряться ему.

Илья Шевелев. Жизнь - путь к счастью, но не каждому дано одолеть все этапы этого пути.

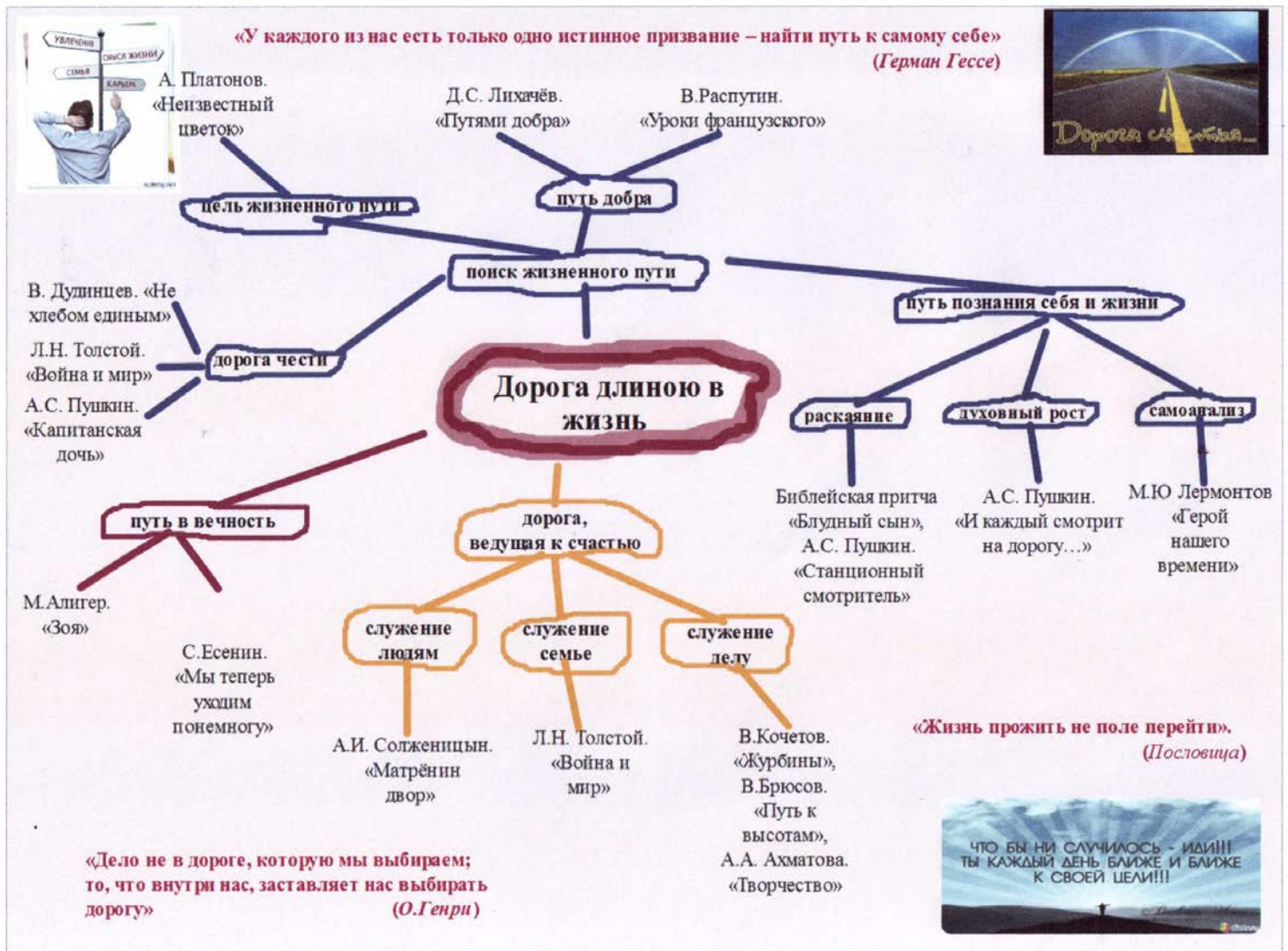
Вадим Кулик. Каждый человек волен выбрать свой жизненный путь. Когда он совпадает с призванием, путь озаряется светом провидения и делает человека подобием зажжённой свечи. Её свет может греть, или освещать, суть не в этом. Важно зажечь её, ибо свеча без огня лишена своего изначального смысла.

Марлон Брандо. Лишь тот, кто идёт своей дорогой, никогда и никем не будет обогнан.

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ

вопрос	цитата	повествовательные предложения
Почему жизнь сравнивают с путешествием?	«У каждого из нас есть только одно истинное призвание – это найти путь к себе» (Герман Гессе)	Шагнувшие в бессмертие.
Чем привлекает нас путешествие?	«Русь, куда же несёшься ты? Дай ответ» (Н.В.Гоголь)	Дорога, ведущая к счастью...
О чём повествует дорога?	«Эх, путь-дорожка, фронтовая...» (Б.Ласкин)	Дорога длиною в жизнь.
Почему литературные герои так часто отправляются в путь?	«Если ты любишь свое дело, это – не работа, это увлекательнейшее путешествие к мечте». (Конфуций)	Жизненный путь как дорога чести.
Что ищем мы, отправляясь в дорогу?	«Жизнь прожить – не поле перейти» (пословица)	Путешествия литературных героев.
Нужно ли ставить цель в начале жизненного пути?	В чём смысл жизни? Служить другим и делать добро» (Аристотель)	Путь праведника.
Какой путь можно назвать дорогой в никуда?	«Дорога лишь тогда бывает доброй, когда ведёт она домой» (Мария Семёнова. «Волкодав»)	

ДОРОГА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

ЦЕЛЬ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Д.С.Лихачев.

Письма о добром и прекрасном Письмо шестое ЦЕЛЬ И СЕМООЦЕНКА

Когда человек сознательно или интуитивно выбирает себе в жизни какую-то Цель, жизненную задачу, он вместе с тем невольно дает себе оценку. По тому, ради чего человек живет, можно судить и о его самооценке – низкой или высокой.

Если человек ставит перед собой задачу приобрести все элементарные материальные блага, он и оценивает себя на уровне этих материальных благ: как владельца машины последней марки, как хозяина роскошной дачи, как часть своего мебельного гарнитура...

Если человек живет, чтобы приносить людям добро, облегчать их страдания при болезнях, давать людям радость, то он оценивает себя на уровне этой своей человечности. Он ставит себе цель, достойную человека.

Только жизненно необходимая цель позволяет человеку прожить свою жизнь с достоинством и получить настоящую радость. Да, радость! Подумайте: если человек ставит себе задачей увеличивать в жизни добро, приносить людям счастье, какие неудачи могут его постигнуть?

Не тому помочь, кому следовало бы? Но много ли людей не нуждаются в помощи? Если ты врач,

то, может быть, поставил больному неправильный диагноз? Такое бывает у самых лучших врачей. Но в сумме ты все-таки помог больше, чем не помог. От ошибок никто не застрахован. Но самая главная ошибка, ошибка роковая – неправильно выбранная главная задача в жизни. Не повысили в должности – огорчение. Не успел купить марку для своей коллекции – огорчение. У кого-то лучшая, чем у тебя, мебель или лучшая машина – опять огорчение, и еще какое!

Ставя себе задачей карьеру или приобретательство, человек испытывает в сумме гораздо больше огорчений, чем радостей, и рискует потерять все. А что может потерять человек, который радовался каждому своему доброму делу? Важно только, чтобы добро, которое человек делает, было бы его внутренней потребностью, шло от умного сердца, а не только от головы, не было бы одним только «принципом».

Поэтому главной жизненной задачей должна быть обязательно задача шире, чем просто личностная, она не должна быть замкнута только на собственных удачах и неудачах. Она должна диктоваться добротой к людям, любовью к семье, к своему городу, к своему народу, стране, ко всей вселенной.

Означает ли это, что человек должен жить как аскет, не заботиться о себе, ничего не приобретать и не радоваться простому повышению в должности? Отнюдь нет! Человек, который совсем не думает о себе, – явление ненормальное и мне лично неприятное: в этом есть какой-то надлом, какое-то показное преувеличение в себе своей доброты, бескорыстия, значительности, в этом есть какое-то своеобразное презрение к остальным людям, стремление выделиться.

Поэтому я говорю лишь о главной жизненной задаче. А эту главную жизненную задачу не надо подчеркивать в глазах остальных людей. И одеваться надо хорошо (это уважение к окружающим), но не обязательно «лучше других». И библиотеку себе надо составлять, но не обязательно большую, чем у соседа. И машину хорошо приобрести для себя и семьи – это удобно. Только не надо превращать второстепенное в первостепенное и не надо, чтобы главная цель жизни изнуряла тебя там, где это не нужно. Когда это понадобится – другое дело. Там посмотрим, кто и к чему способен.

А.Платонов.

Неизвестный цветок (сказка-быль)

Жил на свете маленький цветок. Никто и не знал, что он есть на земле. Он рос один на пустыре; коровы и козы не ходили туда, и дети из пионерского лагеря там никогда не играли. На пустыре трава не росла, а лежали одни старые серые камни, и меж ними была сухая мертвая глина. Лишь один ветер гулял по пустырю; как дедушка-сеятель, ветер носил семена и сеял их всюду — и в черную влажную землю, и на голый каменный пустырь. В черной доброй земле из семян рождались цветы и травы, а в камне и глине семена умирали.

А однажды упало из ветра одно семечко, и приютилось оно в ямке меж камнем и глиной. Долго томилось это семечко, а потом напиталось росой, распалось, выпустило из себя тонкие волоски корешка, впились ими в камень и в глину и стало расти.

Так начал жить на свете тот маленький цветок. Нечем было ему питаться в камне и в глине; капли дождя, упавшие с неба, сходили по верху земли и не проникали до его корня, а цветок все жил и жил и рос помаленьку выше. Он поднимал листья против ветра, и ветер утихал возле цветка; из ветра упали на глину пылинки, что принес ветер с черной тучной земли; и в тех пылинках находилась пища цветку, но пылинки были сухие. Чтобы смочить их, цветок всю ночь сторожил росу и собирал ее по каплям на свои листья. А когда листья тяжелели от росы, цветок опускал их, и роса падала вниз; она увлажняла черные земляные пылинки, что принес ветер, и разъедала мертвую глину.

Днем цветок сторожил ветер, а ночью росу. Он трудился день и ночь, чтобы жить и не умереть. Он вырастил свои листья большими, чтобы они могли останавливать ветер и собирать росу. Однако трудно было цветку питаться из одних пылинок, что выпали из ветра, и еще собирать для них росу. Но он нуждался в жизни и преодолевал терпением свою боль от голода и усталости. Лишь один раз в сутки цветок радовался: когда первый луч утреннего солнца касался его утомленных листьев.

Если же ветер подолгу не приходил на пустырь, плохо тогда становилось маленькому цветку, и

уже не хватало у него силы жить и расти.

Цветок, однако, не хотел жить печально; поэтому, когда ему бывало совсем горестно, он дремал. Все же он постоянно старался расти, если даже корни его глодали голый камень и сухую глину. В такое время листья его не могли напитаться полной силой и стать зелеными: одна жилка у них была синяя, другая красная, третья голубая или золотого цвета. Это случалось оттого, что цветку недоставало еды, и мученье его обозначалось в листьях разными цветами. Сам цветок, однако, этого не знал: он ведь был слепой и не видел себя, какой он есть.

В середине лета цветок распустил венчик вверх. До этого он был похож на травку, а теперь стал настоящим цветком. Венчик у него был составлен из лепестков простого светлого цвета, ясного и сильного, как у звезды. И, как звезда, он светился живым мерцающим огнем, и его видно было даже в темную ночь. А когда ветер приходил на пустырь, он всегда касался цветка и уносил его запах с собою.

И вот шла однажды поутру девочка Даша мимо того пустыря. Она жила с подругами в пионерском лагере, а нынче утром проснулась и заскучала по матери. Она написала матери письмо и понесла письмо на станцию, чтобы оно скорее дошло. По дороге Даша целовала конверт с письмом и завидовала ему, что он увидит мать скорее, чем она.

На краю пустыря Даша почувствовала благоухание. Она поглядела вокруг. Вблизи никаких цветов не было, по тропинке росла одна маленькая травка, а пустырь был вовсе голый; но ветер шел с пустыря и приносил оттуда тихий запах, как зовущий голос маленькой неизвестной жизни. Даша вспомнила одну сказку, ее давно рассказывала ей мать. Мать говорила о цветке, который все грустил по своей матери — розе, но плакать он не мог, и только в благоухании проходила его грусть.

«Может, это цветок скучает там по своей матери, как я» — подумала Даша.

Она пошла в пустырь и увидела около камня тот маленький цветок. Даша никогда еще не видела такого цветка — ни в поле, ни в лесу, ни в книге на картинке, ни в ботаническом саду, нигде. Она села на землю возле цветка и спросила его:

— Отчего ты такой?

— Не знаю, — ответил цветок.

— А отчего ты на других непохожий?

Цветок опять не знал, что сказать. Но он впервые так близко слышал голос человека, впервые кто-то смотрел на него, и он не хотел обидеть Дашу молчанием.

— Оттого, что мне трудно, — ответил цветок.

— А как тебя зовут? — спросила Даша.

— Меня никто не зовет, — сказал маленький цветок, — я один живу.

Даша осмотрелась в пустыре.

— Тут камень, тут глина! — сказала она. — Как же ты один живешь, как же ты из глины вырос и не умер, маленький такой?

— Не знаю, — ответил цветок.

Даша склонилась к нему и поцеловала его в светящуюся головку.

На другой день в гости к маленькому цветку пришли все пионеры. Даша привела их, но еще задолго, не доходя до пустыря, она велела всем вздохнуть и сказала:

— Слышите, как хорошо пахнет. Это он так дышит.

Пионеры долго стояли вокруг маленького цветка и любовались им, как героем. Потом они обошли весь пустырь, измерили его шагами и сосчитали, сколько нужно привезти тачек с навозом и золою, чтобы удобрить мертвую глину.

Они хотели, чтобы и на пустыре земля стала доброй. Тогда и маленький цветок, неизвестный по имени, отдохнет, а из семян его вырастут и не погибнут прекрасные дети, самые лучшие, сияющие светом цветы, которых нету нигде.

Четыре дня работали пионеры, удобряя землю на пустыре. А после того они ходили путешествовать в другие поля и леса и больше на пустырь не приходили. Только Даша пришла однажды, чтобы проститься с маленьким цветком. Лето уже кончалось, пионерам нужно было уезжать домой, и они уехали.

А на другое лето Даша опять приехала в тот же пионерский лагерь. Всю долгую зиму она

помнила о маленьком, неизвестном по имени цветке. И она тотчас пошла на пустырь, чтобы проведать его.

Даша увидела, что пустырь теперь стал другой, он зарос теперь травами и цветами, и над ним летали птицы и бабочки. От цветов шло благоухание, такое же, как от того маленького цветка-труженика.

Однако прошлогоднего цветка, жившего меж камнем и глиной, уже не было. Должно быть, он умер в минувшую осень. Новые цветы были тоже хорошие; они были только немного хуже, чем тот первый цветок. И Даше стало грустно, что нету прежнего цветка. Она пошла обратно и вдруг остановилась. Меж двумя тесными камнями вырос новый цветок — такой же точно, как тот старый цвет, только немного лучше его и еще прекраснее. Цветок этот рос из середины стеснившихся камней; он был живой и терпеливый, как его отец, и еще сильнее отца, потому что он жил в камне.

Даше показалось, что цветок тянется к ней, что он зовет ее к себе безмолвным голосом своего благоухания.

СМЫСЛ ЖИЗНИ

В.М.Шукшин

Одни (рассказ)

Шорник Антип Калачиков уважал в людях душевную чуткость и доброту. В минуты хорошего настроения, когда в доме устанавливался относительный мир, Антип ласково говорил жене:

– Ты, Марфа, хоть и крупная баба, а бестолковенькая.

– Эт почему же?

– А потому... Тебе что требуется? Чтобы я день и ночь только шил и шил? А у меня тоже душа есть. Ей тоже попрыгать, побаловаться охота, душе-то.

– Плевать мне на твою душу!

– Эх-х...

– Чего "эх"? Чего "эх"?

– Так... Вспомнил твоего папашу-кулака, царство ему небесное.

Марфа, грозная, большая Марфа, подбоченившись, строго смотрела сверху на Антипа. Сухой, маленький Антип стойко выдерживал ее взгляд,

– Ты папашу моего не трожь!.. Понял?

– Ага, понял, – кротко отвечал Антип.

– То-то.

– Шибко уж ты строгая, Марфынька. Нельзя так, милая: надсадишь сердечушко свое и помрешь.

Марфа за сорок лет совместной жизни с Антипом так и не научилась понимать; когда он говорит серьезно, а когда шутит.

– Вопчем, шей.

– Шью, матушка, шью.

В доме Калачиковых жил неистребимый крепкий запах выделанной кожи, вара и дегтя. Дом был большой, светлый. Когда-то он оглашался детским смехом; потом, позже, бывали здесь и свадьбы, бывали и скорбные ночные часы нехорошей тишины, когда зеркало завешено и слабый свет восковой свечи – бледный и немощный – чуть-чуть высвечивает глубокую тайну смерти. Много всякого было. Антип Калачиков со своей могучей половиной вывел к жизни двенадцать человек детей. А всего было восемнадцать.

Облик дома менялся с годами, но всегда неизменно оставался рабочий уголок Антипа – справа от печки, за перегородкой. Там Антип шил сбруи, уздечки, седелки, делал хомуты. И там же, на стенке, висела его заветная балалайка. Это была страсть Антипа, это была его бессловесная глубокая любовь всей жизни – балалайка. Антип мог часами играть на ней, склонив набочок голову, и непонятно было: то ли она ему рассказывает что-то очень дорогое, давно забытое им, то ли он передает ей свои неторопливые стариковские думы. Он мог сидеть так целый день, и сидел бы, если бы не Марфа. Марфе действительно нужно было, чтобы он целыми днями только шил и шил: страсть как любила деньги, тряслась над копеечкой. Она всю жизнь воевала с Антиповой балалайкой. Один раз дошло до того, что она в гневе кинула ее в огонь, в печку. Побледневший Антип смотрел, как она горит. Балалайка вспыхнула сразу, точно берестинка. Ее стало коробить...

Трижды простонала она почти человеческим стоном – и умерла.

Антип пошел во двор, взял топор и изрубил на мелкие кусочки все заготовки хомутов, все сбруи, седла и уздечки. Рубил молча, аккуратно. На скамейке. Перетрусившая Марфа не сказала ни слова. После этого Антип пил неделю, не заявляясь домой. Потом пришел, повесил на стенку новую балалайку и сел за работу. Больше Марфа никогда не касалась балалайки. Но за Антипом следила внимательно: не засиживалась у соседей подолгу, вообще старалась не отлучаться из дому. Знала: только она за порог, Антип снимает балалайку и играет – не работает.

Как-то раз осенним вечером сидели они – Антип в своем уголке, Марфа у стола с вязаньем. Молчали.

Во дворе слякотно, дождик идет. В доме тепло, уютно. Антип молоточком заколачивает в хомут медные гвоздочки: тук-тук, тук-тук, тук-тук-тук... Отложила Марфа вязанье, о чем-то задумалась, глядя в окно.

Тук-тук, тук-тук, – постукивает Антип. И еще тикают ходики, причем как-то так, что кажется, что они вот-вот остановятся. А они не останавливаются. В окна мягко и глуховато сыплет горстями дождь.

– Чего пригорюнилась, Марфынька? – спросил Антип. – Все думаешь, как деньжат побольше скопить?

Марфа молчит, смотрит задумчиво в окно. Антип глянул на нее.

– Помирать скоро будем, так что думай не думай. Думай не думай – сто рублей не деньги. – Антип любил поговорить, когда работал. – Я вот всю жизнь думал и выдумал себе геморрой. Работал! А спроси: чего хорошего видел? Да ничего. Люди хоть сражались, восстания разные поднимали, в гражданской участвовали, в Отечественной... Хоть уж погибали, так героически. А тут – как сел с тринадцати годков, так и сижу – скоро семисят будет. Вот какой терпеливый! Теперь: за что я, спрашивается, работал? Насчет денег никогда не жадничал, мне плевать на них. В большие люди тоже не вышел. И специальность моя скоро отойдет даже: не нужны будут шорники. Для чего же, спрашивается, мне жизнь была дадена?

– Для детей, – серьезно сказала Марфа.

Антип не ждал, что она поддержит разговор. Обычно она обрывала его болтовню каким-нибудь обидным замечанием.

– Для детей? – Антип оживился. – С одной стороны, правильно, конечно, а с другой – нет, неправильно.

– С какой стороны неправильно?

– С той, что не только для детей надо жить. Надо и самим для себя немножко.

– А чего бы ты для себя-то делал?

Антип не сразу нашелся, что ответить на это.

– Как это "чего"? Нашел бы чего... Я, может, в музыканты бы двинул. Приезжал ведь тогда человек из города, говорил, что я самородок. А самородок – это кусок золота, это редкость, я так понимаю. Сейчас я кто? Обыкновенный шорник, а был бы, может...

– Перестань уж!.. – Марфа махнула рукой. – Завел – противно слушать.

– Значит, не понимаешь, – вздохнул Антип.

Некоторое время молчали.

Марфа вдруг всплакнула. Вытерла платочком слезы и сказала:

– Разлетелись наши детушки по всему белу свету.

– Что же им, около тебя сидеть всю жизнь? – заметил Антип.

– Хватит стучать-то! – сказала вдруг Марфа. – Давай посидим, поговорим про детей.

Антип усмехнулся, отложил молоток.

– Сдаешь, Марфа, – весело сказал он. – А хочешь, я тебе сыграю, развею тоску твою?

– Сыграй, – разрешила Марфа.

Антип вымыл руки, лицо, причесался.

– Дай новую рубашенцию.

Марфа достала из ящика новую рубаху. Антип надел ее, подпоясался ремешком. Снял со стены балалайку, сел в красный угол, посмотрел на Марфу.

– Начинаем наш концерт!

– Ты не дурачься только,– посоветовала Марфа.
– Сейчас вспомним всю нашу молодость,– хвастливо сказал Антип, настроивая балалайку.–
Помнишь, как тогда на лужках хороводы водили?
– Помню, чего же мне не помнить? Я как-нибудь помоложе тебя.
– На сколько? На три недели с гаком?
– Не на три недели, а на два года. Я тогда еще совсем молоденькая была, а ты уж выкобенивался.
Антип миролюбиво засмеялся:
– Я мировой все-таки парень был! Помнишь, как ты за мной приударяла?
– Кто? Я, что ли? Господи!.. А на кого это тятя-покойничек кобелей спускал? Штанину-то кто у нас
в ограде оставил?
– Штанина, допустим, была моя...
Антип подкрутил последний кулочок, склонил маленькую голову на плечо, ударил по струнам...
Заиграл, И в теплую пустоту и сумрак избы полилась тихая светлая музыка далеких дней
молодости. И припомнились другие вечера, и хорошо и грустно сделалось, и подумалось о чем-то
главном в жизни, но так, что не скажешь, что же есть это главное.
Не шей ты мне,
Ма-амынька,
Красный сарафа-ан,
запел тихонечко Антип и кивнул Марфе. Та поддержала:
Не входи, родимая,
Попусту
В изьян...
Пели ни так чтобы очень стройно, но обоим сделалось удивительно хорошо. Вставали в глазах
забытые картины, То степь открывалась за родным селом, то берег реки, то шепотливая тополиная
рощица припоминалась, темная и немножко жуткая... И было что-то сладко волнующее во всем
этом. Не стало осени, одиночества, не стало денег, хомутов...
Потом Антип заиграл веселую. И пошел по избе мелким бесом, игриво виляя костлявыми бедрами.
Ох, там, ри-та-там,
Ритатушеньки мои!
Походите, погуляйте,
Па-ба-луй-тися!
Он стал подпрыгивать. Марфа засмеялась, потом всплакнула, но тут же вытерла слезы и опять
засмеялась.
– Хоть бы уж не выдрючивался, господи!.. Ведь смотреть не на что, а туда же.
Антип сиял. Маленькие умные глазки его светились озорным блеском.
Ох, Марфа моя,
Ох, Марфынька,
Укоряешь ты меня за напраслинку!
– А помнишь, Антип, как ты меня в город на ярманку возил? Антип кивнул головой.
Ох, помню, моя,
Помню, Марфынька!
Ох, хаханечки, ха-ха,
Чечевика с викою!
– Дурак же ты, Антип! – ласково сказала Марфа,– Плетешь черт те чего.
Ох, Марфушечка моя,
Радость всенародная...
Марфа так и покатилась:
– Ну, не дурак ли ты, Антип!
Ох, там, ри-та-там,
Ритатушеньки мои!
– Сядь, споем какую-нибудь,– сказала Марфа, вытирая слезы.
Антип слегка запыхался. Улыбаясь, смотрел на Марфу.
– А? А ты говоришь: Антип у тебя плохой!

– Не плохой, а придурковатый,– поправила Марфа.

– Значит, не понимаешь,– сказал Антип, нисколько не обидевшись за такое уточнение. Сел.– Мы могли бы с тобой знаешь как прожить! Душа в душу. Но тебя замучили окаянные деньги. Не сердись, конечно.

– Не деньги меня замучили, а нету их, вот что мучает-то.

– Хватило бы... брось, пожалуйста. Но не будем. Какую желаете, мадемуазельфрау?

– Про Володю-молодца.

– Она тяжелая, ну ее!

– Ничего. Я поплачу хоть маленько,
Ох, не вейти-ися, чайки, над морем,
– запел Антип.

Вам некуда, бедненьким, сесть.
Слетайте в Сибирь, край далекий,
Снесите печальну-я весть.
Антип пел задумчиво, задумчиво. Точно рассказывал.

Ох, в двенадцать часов темной но-очий
Убили Володю-молодца-а.
Наутро отец с младшим сыном...
Марфа захлюпала.

– Антип, а Антип!., Прости ты меня, если я чем-нибудь тебя обижаю,проговорила она сквозь слезы.

– Ерунда,– сказал Антип.– Ты меня тоже прости, если я виноватый.

– Играть тебе не даю...

– Ерунда,– опять сказал Антип.– Мне дай волю – я день и ночь согласен играть.

Так тоже нельзя. Я понимаю.

– Хочешь, чекушечку тебе возьмем?

– Можно,– согласился Антип,
Марфа вытерла слезы, встала.

– Иди пока в магазин, а я ужин соберу.

Антип надел брезент и стоял посреди избы, ждал, когда Марфа достанет из глубины огромного сундука, из-под тряпья разного, деньги. Стоял и смотрел на ее широкую спину.

– Вот еще какое дело,– небрежно начал он,– она уж старенькая стала... надо бы новую. А в магазин вчера только привезли. Хорошие! Давай заодно куплю.

– Кого? – Марфина спина перестала двигаться.

– Балалайку-то.

Марфа опять задвигалась. Достала деньги, села на сундук и стала медленно и трудно отсчитывать. Шевелила губами и хмурилась.

– Она у тебя играет еще,– сказала она.

– Там треснула досточка одна... дребезжит.

– А ты заклей. Возьми да варом аккуратненько.

– Разве можно инструмент варом? Ты что, бог с тобой!

Марфа замолчала. Снова стала считать деньги. Вид у нее был строгий и озабоченный.

– На, – она протянула Антипу деньги. В глаза ему не смотрела.

– На четвертинку только? – У Антипа отвисла нижняя губа. – Да-а...

– Ничего, она еще у тебя поиграет. Вон как хорошо сегодня играла!

– Эх, Марфа!.. – Антип тяжело вздохнул.

– Что "эх"? Что "эх"?

– Так... проехало. – Антип повернулся и пошел к двери.

– А сколько она стоит-то? – спросила вдруг Марфа сурово.

– Да она стоит-то копейки! – Антип остановился у порога. – Рублей шесть по новым ценам.

– На,– Марфа сердито протянула ему шесть рублей,
Антип подошел к жене скорым шагом, взял деньги и молча вышел: разговаривать или медлить было опасно – Марфа легко могла раздумать.

Андрей Николаевич Москвин

Универсального рецепта того, как выбрать правильный, единственно верный, только тебе предназначенный путь в жизни, просто нет и быть не может. И окончательный выбор всегда остаётся за человеком.

Этот выбор мы делаем уже в детстве, когда выбираем друзей, учимся строить отношения с ровесниками, играть. Но большинство важнейших решений, определяющих жизненный путь, мы всё-таки принимаем в юности. Как считают учёные, вторая половина второго десятилетия жизни – самый ответственный период. Именно в это время человек, как правило, выбирает самое главное и на всю жизнь: ближайшего друга, круг основных интересов, профессию.

Понятно, что такой выбор – дело ответственное. От него невозможно отмахнуться, его нельзя отложить на потом. Не стоит надеяться, что ошибку после можно будет исправить: успеется, вся жизнь впереди! Что-то, конечно, удастся подправить, изменить, но далеко не всё. И неверные решения без последствий не останутся. Ведь успех приходит к тем, кто знает, чего он хочет, решительно делает выбор, верит в себя и упорно достигает намеченных целей.

ПОИСК СМЫСЛА ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Н.А.Некрасов.

Кому на Руси жить хорошо (фрагмент поэмы)

Никто как бог!
Не ест, не пьёт
Меньшой сынок,
Гляди — умрет!
Дала кусок,
Дала другой —
Не ест, кричит:
«Посыпь солью!»
А соли нет,
Хоть бы щепоть!
«Посыпь мукой», —
Шепнул господь.
Раз-два куснул,
Скривил роток.
«Соли еще!» —
Кричит сынок.
Опять мукой...
А на кусок
Слеза рекой!
Поел сынок!
Хвалилась мать —
Сынка спасла...
Знать, солон
Слеза была!..
Запомнил Гриша песенку
И голосом молитвенным
Тихонько в семинарии,
Где было темно, холодно,
Угрюмо, строго, голодно,
Певал — тужил о матушке
И обо всей вахлячине,
Кормилице своей.
И скоро в сердце мальчика
С любовью к бедной матери
Любовь ко всей вахлячине

Довольно рабство тяжкое
Одни пути лукавые
Открытыми, влекущими
Держало на Руси!
Над Русью оживающей
Святая песня слышится:
То ангел милосердия,
Незримо пролетающий
Над нею, души сильные
Зовёт на честный путь.
Средь мира дольного
Для сердца вольного
Есть два пути.
Взвесь силу гордую.
Взвесь волю твёрдую:
Каким идти?
Одна просторная —
Дорога торная,
Страстей раба,
По ней громадная,
К соблазну жадная
Идёт толпа.
О жизни искренней,
О цели выпренной
Там мысль смешная.
Кипит там вечная.
Бесчеловечная
Вражда-война
За блага бранные...
Там души пленные
Полны греха.
На вид блестящая,
Там жизнь мертвящая
К добру глухая.
Другая — тесная
Дорога, честная,
По ней идут
Лишь души сильные,

Слилась, — и лет пятнадцати
Григорий твердо знал уже,
Кому отдаст всю жизнь свою
И за кого умрет.
Довольно демон ярости
Летал с мечом карающим
Над русской землей.

Любвеобильные,
На бой, на труд
За обойденного.
За угнетенного —
Умножь их круг,
Иди к униженным,
Иди к обиженным —
И будь им друг!

Перед Гришей стоит вопрос, какой жизненный путь выбрать: «Одна просторная дорога – торная, страстей раба, по ней громадная, к соблазну жадная идет толпа», «Другая – тесная, дорога честная, по ней идут лишь души сильные, любвеобильные, на бой, на труд». Итог – «смашила Гришу узкая, извилистая тропочка». Он выбрал путь народного заступника, на котором «ему судьба пророчила путь славный, имя громкое народного заступника, чахотку да Сибирь».

ПУТЬ ДОБРА

Ольга Рожнёва

**Тесный путь. Рассказы для души
(современная православная проза)**

Слёзы

Дыхание перехватывает от слёз.

Ах, эти слёзы! С ними мы рождаемся и с ними уходим. А почему? Разве наша жизнь не суeta суeta и томление духа? Но наши горячие слёзы не согласны с этим. Они льются из сердца, и сердце болит. Оно живое и такое же горячее, как эти слёзы. И его боль и радость придают смысл бессмысленному и превращают существование в жизнь! А томление духа—в его горение! Звезда горит и сияет, и пульсирует, как наше горячее сердце. Скажи звезде, что её сияние не имеет смысла! А если наша жизнь лишь суeta и томление духа, то почему эти слова говорят с такой скорбью, с таким противоречием, с таким страстным желанием опровергнуть самих себя?

О чём я? Ах да, дыхание перехватывает от слёз. Это кто, я? Ребёнок, забившийся под кровать? Маленькая девочка. Очень худенькая. Под глазами синяки. В детстве я сильно болела и не ходила в садик. Потому что не вылезала из больницы.

Из-под кровати меня пытается достать толстая тётка в белом халате. Я просилась к маме и, видимо, надоела ей, потому что мне было убедительно сказано басом: «Твоя мама оставила тебя здесь навсегда. Она больше никогда не придёт за тобой!» До сих пор помню чувство ледящего ужаса и одиночества. За мной больше не придут. И я навсегда останусь здесь, в этой холодной палате, окна которой закрасены отчего-то в ядовито-синий цвет, на этой железной скрипучей кровати. Совсем одна. Без своего медвежонка. Без потёртого чемоданчика полного сокровищ. Без мамы.

Горе так велико, что я забиваюсь под кровать в самый угол. Закрываю глаза, я не здесь. Я спряталась. Разгневанная тётка с трудом забирается под кровать. Мне нужно ставить капельницу, а достать меня оттуда — всё равно, что поймать мышонка. Тоненькие ручонки выскальзывают из её потной пятерни. Наконец меня ухитряются схватить за длинные волосы. Так за мой светлый хвостик и вытаскивают на белый свет.

Было очень больно. Я плакала. Дальше не помню — всё стирается. Длинные больничные коридоры. Капельницы и уколы. Капельницы чаще всего ставили в ноги. Не знаю, почему. Может, руки были уже исколоты? После капельниц ноги отнимались, немели.

Я не могла встать и ползала в туалет с помощью рук. Почему меня не сажали на горшок? Понятия не имею. Может, я не просилась?

Позже мама рассказывала, что я перенесла четыре операции и почти не вылезала из больниц. Мне шёл четвёртый год. Врачи говорили моим родителям, что сильно сомневаются в том, что я вообще буду жить.

Их прогноз, скорее всего, должен был оправдаться. Но мои неродные дед Ваня и его мама, моя прабабушка Ульяна, с этим прогнозом были не согласны. Прабабушка меня любила и не собиралась отпускать на тот свет, тем более что дитя было некрещёным. Разыгрался целый детектив. Как мне позднее рассказывали, дед и прабабушка выпросили меня погулять. Ходить я уже не могла. Мои спасители попросту выкрали меня из больницы, лихо перетащив через забор. (Я поминаю их в своих молитвах каждый день.)

Прабабушка сразу же понесла меня в церковь и окрестила. Смутно помню купель. Воспоминания зыбкие, на грани. Где-то рядом уже был другой мир, в который прабабка меня не отпустила. После крещения я неожиданно стала поправляться. Справка о крещении долго хранилась у меня в коробочке сокровищ, в ней значилась синими чернилами написанная цифра 3 (три рубля за крещение). Но я знала, что на самом деле ценой была моя жизнь.

Звонок по сотовому телефону

Эта история случилась со мной на днях, когда я ездил из Оптиной пустыни в Козельск по послушанию. Послушание выполнила. Пришла пора возвращаться в монастырь. А день уже заканчивается, маршрутки перестают ходить. Вот и в Оптину последняя по расписанию пошла. Бегу я за ней, а сумка тяжёлая. Нет, точно не успею... И не успела. Можно и пешком, конечно, дойти, но вот поклажа моя... Да и устала под конец дня...

Подходит рейсовая маршрутка, которая по городу ездит. Пустая почти. Сажусь я в неё и спрашиваю: «А вот только что оптинская маршрутка ушла. Мы её не догоним на какой-нибудь из городских остановок?»

Водитель оборачивается ко мне не спеша. Смотрит на меня тяжёлым взглядом. Сам здоровый такой. Ручищи на руле огромные лежат. «Вот это здоровяк», — думаю...

А он отворачивается и угрюмо так цедит сквозь зубы: «Не, не догоним». Достает из кармана сотовый телефон и начинает кому-то названивать. «Ну, — думаю, — конечно, если ты во время движения своей маршрутки ещё и по телефону будешь лясы точить, то точно не догоним». А он так спокойно чего-то там болтает. Сижу я и злюсь на саму себя, что на маршрутку опоздала, на погоду дождливую, слякотную. На здоровяка невежливого. Хотя знаю, что злиться — смысла нет. «Никогда не бегите за уходящим автобусом: это был не ваш автобус...»

И осуждать ведь тоже нельзя. Сижу и пытаюсь придумать добрый помысел об этом здоровяке. Я когда-то даже рассказ написала «Фабрика добрых помыслов».

Там речь идёт о словах Паисия Святогорца. **Старец писал о том, что необходимо терпеть немощи окружающих людей, покрывать их любовью. Не поддаваться помыслам осуждения, недоверия.**

А для этого придумывать добрые помыслы в отношении окружающих. Пытаться оправдать их, пожалеть. Понять, что, возможно, у них были добрые намерения, просто не получилось воплотить их в жизнь. Пожалеть, даже если этих добрых намерений не было, придумать добрый помысел о таких людях. Старец называет эту мысленную работу «фабрикой добрых помыслов».

Маршрутка наконец-то с места сдвинулась. Здоровяк наболтался. Еду я и пытаюсь добрый помысел о нём придумать. Чтоб не осудить его, а оправдать как-то. «Так, — думаю, — может, он маме звонит часто. Даже с дороги. Беспокоится о матери... Или нет. Вот ему срочно нужно детям позвонить. Проверить, что они там делают одни дома... А то, может, жена ждала звонка важного...» Еду и чувствую, что раздражение отошло. Вот и здоровяк мне уже кажется не таким вредным. А что? Хороший, наверное, человек... Просто вот озабочен срочными делами...

Смотрю в окошко: луч солнечный сквозь тучи пробился. Ура! Дождь кончается! Хорошо-то как!

Подъезжаем мы к остановке. Тут здоровяк ко мне оборачивается и говорит: «Догнали мы оптинскую маршрутку. Пересаживайтесь». Вот здорово-то! И с чего я взяла, что взгляд у него тяжёлый? Обычный такой взгляд... Можно сказать, даже добрый...

Быстро пересаживаюсь в оптинскую маршрутку. Она тоже полупустая. Протягиваю водителю деньги. А он спрашивает: «Ну что, чуть не опоздали?» Улыбаюсь в ответ: «Да, я уж настроилась пешком идти. Вот погода только сырая да сумка тяжёлая».

А водитель, парнишка молодой, улыбается мне и говорит: «Да, пришлось бы вам пешком топтать, если б не друг мой, водитель городской маршрутки, на которой вы ехали. Он мне позвонил и попросил притормозить немножко на остановке. Говорит: "Тут пассажирка одна к тебе опоздала. С сумкой большой такой. Ты уж её подожди, ладно? Жалко сестрёнку". Я и притормозил».

Вот тебе и здоровяк угрюмый! Сестрёнкой меня назвал...

Благодарю тебя, отче Паисий, за твоё наставление о фабрике добрых помыслов!

«Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей!»

Б.Васильев.

**«Летят мои кони»
(фрагмент повести)**

Я уже смутно помню этого сутулого худощавого человека, всю жизнь представлявшегося мне стариком. Опираясь о большой зонт, он неутомимо от зари до зари шагал по обширнейшему участку. Это был район бедноты, сюда не ездили извозчики, да у доктора Янсена на них и денег-то не было. А были неутомимые ноги, великое терпение и долг. Неоплатный долг интеллигента перед своим народом. И доктор бродил по доброй четверти губернского города Смоленска без выходных и без праздников, потому что болезни тоже не знали ни праздников, ни выходных, а доктор Янсен сражался за людские жизни. Зимой и летом, в слякоть и вьюгу, днём и ночью.

Врачебный и человеческий авторитет доктора Янсена был выше, чем можно себе вообразить в наше время. Он обладал редчайшим даром жить не для себя, думать не о себе, заботиться не о себе, никогда никого не обманывать и всегда говорить правду, как бы горька она ни была. Такие люди перестают быть только специалистами: людская благодарная молва приписывает им мудрость, граничащую со святостью. И доктор Янсен не избежал этого. Человек, при жизни возведенный в ранг святого, уже не волен в своей смерти, если, конечно, этот ореол святости не создан искусственным освещением. Доктор Янсен был святым города Смоленска, а потому и обреченным на особую, мученическую смерть. Нет, не он искал героическую гибель, а героическая гибель искала его.

Доктор Янсен задохнулся в канализационном колодце, спасая детей.

В те времена центр города уже имел канализацию, которая постоянно рвалась, и тогда рылись глубокие колодцы. Над колодцами устанавливался ворот с бадьей, которой откачивали просочившиеся сточные воды. Процедура была длительной, рабочие в одну смену не управлялись, все замирало до утра, и тогда бадьей и воротом завладевали мы. Нет, не в одном катании — стремительном падении, стоя на бадье, и медленном подъеме из тьмы — таилась притягательная сила этого развлечения.

Провал в преисподнюю, где нельзя дышать, где воздух перенасыщен метаном, напрямую был связан с недавним прошлым наших отцов, с их риском, их разговорами, их воспоминаниями. Наши отцы прошли не только гражданскую, но и мировую, «германскую» войну, где применялись реальные отравляющие вещества.

И мы, сдерживая дыхание, с замирающим сердцем летели в смрадные дыры, как в газовую атаку.

Обычно на бадью становился один, а двое вертели ворот. Но однажды решили прокатиться вдвоем, и веревка оборвалась. Доктор Янсен появился, когда возле колодца металась двое пацанов. Отправив их за помощью, доктор тут же спустился в колодец, нашел уже потерявших сознание мальчишек, сумел вытащить одного и, не отдохнув, полез за вторым. Спустился, понял, что еще раз ему уже не подняться, привязал мальчика к обрывку веревки и потерял сознание. Мальчики пришли в себя быстро, но доктора Янсена спасти не удалось.

Так погиб последний святой города Смоленска, ценою своей жизни оплатив жизнь двух мальчиков, и меня потрясла не только его смерть, но и его похороны. Весь Смоленск от мала до велика хоронил своего Доктора.

Д.С.Лихачев.

Письма о добром и прекрасном.

**Письмо третье
САМОЕ БОЛЬШОЕ**

А в чем самая большая цель жизни? Я думаю: увеличивать добро в окружающем нас. А добро — это прежде всего счастье всех людей. Оно складывается из многого, и каждый раз жизнь ставит перед человеком задачу, которую важно уметь решать. Можно и в мелочи сделать добро человеку, можно и о крупном думать, но мелочь и крупное нельзя разделять. Многое, как я уже говорил, начинается с мелочей, зарождается в детстве и в близком.

Ребенок любит свою мать и своего отца, братьев и сестер, свою семью, свой дом. Постепенно расширяясь, его привязанности распространяются на школу, село, город, всю свою страну. А это уже совсем большое и глубокое чувство, хотя и на этом нельзя останавливаться и надо любить в человеке человека.

Надо быть патриотом, а не националистом. Нет необходимости ненавидеть каждую чужую

семью, потому что любишь свою. Нет необходимости ненавидеть другие народы, потому что ты патриот. Между патриотизмом и национализмом глубокое различие. В первом – любовь к своей стране, во втором – ненависть ко всем другим.

Большая цель добра начинается с малого – с желания добра своим близким, но, расширяясь, она захватывает все более широкий круг вопросов.

Это как круги на воде. Но круги на воде, расширяясь, становятся все слабее. Любовь же и дружба, разрастаясь и распространяясь на многое, обретают новые силы, становятся все выше, а человек, их центр, мудрее.

Любовь не должна быть безотчетной, она должна быть умной. Это значит, что она должна быть соединена с умением замечать недостатки, бороться с недостатками – как в любимом человеке, так и в окружающих людях. Она должна быть соединена с мудростью, с умением отделять необходимое от пустого и ложного. Она не должна быть слепой. Слепой восторг (его даже не назовешь любовью) может привести к ужасным последствиям. Мать, всем восторгающаяся и поощряющая во всем своего ребенка, может воспитать нравственного уродца. Слепой восторг перед Германией («Германия превыше всего» – слова шовинистической немецкой песни) привел к нацизму, слепой восторг перед Италией – к фашизму.

Мудрость – это ум, соединенный с добротой. Ум без доброты – хитрость. Хитрость же постепенно чахнет и непременно рано или поздно оборачивается против самого хитреца. Поэтому хитрость вынуждена скрываться. Мудрость же открыта и надежна. Она не обманывает других, и прежде всего самого мудрого человека. Мудрость приносит мудрецу доброе имя и прочное счастье, приносит счастье надежное, долготетнее и ту спокойную совесть, которая ценнее всего в старости.

Как выразить то общее, что есть между моими тремя положениями: «Большое в малом», «Молодость – всегда» и «Самое большое»? Его можно выразить одним словом, которое может стать девизом: «Верность». Верность тем большим принципам, которыми должен руководствоваться человек в большом и малом, верность своей безупречной молодости, своей родине в широком и в узком смысле этого понятия, верность семье, друзьям, городу, стране, народу. В конечном счете верность есть верность правде – правде-истине и правде-справедливости.

Письмо сорок шестое ПУТЯМИ ДОБРОТЫ

Вот и последнее письмо. Писем могло бы быть и больше, но пора подвести итоги. Мне жаль прекращать писать. Читатель заметил, как постепенно усложнялись темы писем. Мы шли с читателем, поднимаясь по лестнице. Иначе и быть не могло: зачем тогда и писать, если оставаться на том же уровне, не восходя постепенно по ступеням опыта – опыта нравственного и эстетического. Жизнь требует усложнений.

Возможно, у читателя создалось представление об авторе писем как о высокомерном человеке, пытающемся учить всех и всему. Это не совсем так. В письмах я не только «учил», но и учился. Я смог учить именно потому, что одновременно учился: учился у своего опыта, который пытался обобщить. Многое мне приходило на ум и по мере того, как я писал. Я не только излагал свой опыт – я и осмыслил свой опыт. Мои письма наставительные, но, наставляя, я наставлялся сам. Мы поднимались с читателем вместе по ступеням опыта, не моего только опыта, но опыта многих людей. Писать письма мне помогали сами читатели – они со мной беседовали неслышно.

Что же самое главное в жизни? Главное может быть в оттенках у каждого свое собственное, неповторимое. Но все же главное должно быть у каждого человека. Жизнь не должна рассыпаться на мелочи, растворяться в каждодневных заботах.

И еще, самое существенное: главное, каким бы оно ни было индивидуальным у каждого человека, должно быть добрым и значительным.

Человек должен уметь не просто подниматься, но подниматься над самим собой, над своими личными повседневными заботами и думать о смысле своей жизни – оглядывать прошлое и заглядывать в будущее.

Если жить только для себя, своими мелкими заботами о собственном благополучии, то от прожитого не останется и следа. Если же жить для других, то другие сберегут то, чему служил, чему отдавал силы.

Заметил ли читатель, что все дурное и мелкое в жизни быстро забывается. Еще людьми владеет досада на дурного и эгоистичного человека, на сделанное им плохое, но самого человека уже не помнят, он стерся в памяти. Люди, ни о ком не заботящиеся, как бы выпадают из памяти.

люди, служившие другим, служившие по-умному, имевшие в жизни добрую и значительную цель, запоминаются надолго. Помнят их слова, поступки, их облик, их шутки, а иногда чудачества. О них рассказывают. Гораздо реже и, разумеется, с недобрим чувством говорят о злых.

В жизни надо иметь свое служение – служение какому-то делу. Пусть дело это будет маленьким, оно станет большим, если будешь ему верен.

В жизни ценнее всего доброта, и при этом доброта умная, целенаправленная. Умная доброта – самое ценное в человеке, самое к нему располагающее и самое в конечном счете верное по пути к личному счастью.

Счастья достигает тот, кто стремится сделать счастливыми других и способен хоть на время забыть о своих интересах, о себе. Это «неразменный рубль».

Знать это, помнить об этом всегда и следовать путями доброты – очень и очень важно. Поверьте мне!

ДОРОГА, ВЕДУЩАЯ К СЧАСТЬЮ

<p>Николай Некрасов Мы разошлись на полпути, Мы разлучились до разлуки И думали: не будет муки В последнем роковом "прости". Но даже плакать нету силы. Пиши - прошу я одного... Мне эти письма будут милы И святы, как цветы с могилы - С могилы сердца моего!</p>	<p>И.А.Бунин О счастье мы всегда лишь вспоминаем. А счастье всюду. Может быть, оно Вот этот сад осенний за сараем И чистый воздух, льющийся в окно. В бездонном небе легким белым краем Встает, сияет облако. Давно Слежу за ним... Мы мало видим, знаем, А счастье только знающим дано.</p>
<p>Лариса Рубальская Последний мост Кто учит птиц дорогу находить, Лететь в ночи, лететь в ночи по звёздам. И нет сетей их путь загородить К давно забытым гнёздам. Любовь ли их в дорогу позвала, В дорогу позвала, где так недолго лето. Зачем летят из вечного тепла, из вечного тепла, Мне не узнать ответа. Не сжигай последний мост, Подожди ещё немного В темноте при свете звёзд Ты найди ко мне дорогу.</p>	<p>Знаю я, что так непрост Путь к забытому порогу. Не сжигай последний мост. Отыщи ко мне дорогу, Не сжигай последний мост, Не сжигай последний мост. В моих краях такие холода, Одни снега, да ветры завывают. И ты летишь неведомо куда, Где дни не остывают. Но тёплые края не для тебя, Они не для тебя, и если обернёшься, Поймёшь, что жить не можешь, не любя, Не можешь, не любя, И в холода вернёшься.</p>

ПУТЬ В ВЕЧНОСТЬ

<p>Маргарита Алигер Зоя (фрагмент поэмы) Как морозно! Как светла дорога, утренняя, как твоя судьба! Поскорей бы! Нет, ещё немного! Нет, ещё не скоро... От порога... по тропинке... до того столба...</p>	<p>Если очень громко крикнуть: «Мама!» Люди смотрят. Есть ещё слова... - Граждане, не стойте, не смотрите! (Я живая, - голос мой звучит.) Убивайте их, травите, жгите! Я умру, но правда победит! Родина! - Слова звучат, как будто это вовсе не в последний раз.</p>
--	---

<p>Надо ведь ещё дойти дотуда, этот длинный путь ещё прожить... Может ведь ещё случиться чудо. Где-то я читала... Может быть!.. Жить... Потом не жить... Что это значит? Видеть день... Потом не видеть дня... Это как? Зачем старуха плачет? Кто её обидел? Жаль меня? Почему ей жаль меня? Не будет ни земли, ни боли... Слово «жить»... Будет свет, и снег, и эти люди. Будет всё, как есть. Не может быть! Если мимо виселицы прямо всё идти к востоку - там Москва.</p>	<p>- Всех не перевешать, много нас! Миллионы нас!.. - Ещё минута - и удар наотмашь между глаз. Лучше бы скорей, пускай уж сразу, чтобы больше не коснулся враг. И уже без всякого приказа делает она последний шаг. Смело поднимаешься сама ты. Шаг на ящик, к смерти и вперёд. Вкруг тебя немецкие солдаты, русская деревня, твой народ. Вот оно! Морозно, снежно, мглисто. Розовые дымы... Блеск дорог... Родина! Тупой сапог фашиста выбивает ящик из-под ног.</p>
--	---

<p>С.А.Есенин. Мы теперь уходим понемногу В ту страну, где тишь и благодать. Может быть, и скоро мне в дорогу Бренные пожитки собирать. Милые берёзовые чащи! Ты, земля! И вы, равнин пески! Перед этим сонмом уходящим Я не в силах скрыть своей тоски. Слишком я любил на этом свете Всё, что душу облакает в плоть. Мир осинам, что, раскинув ветви, Загляделись в розовую водь. Много дум я в тишине продумал, Много песен про себя сложил,</p>	<p>И на этой на земле угрюмой Счастлив тем, что я дышал и жил. Счастлив тем, что целовал я женщин, Мял цветы, валялся на траве, И зверьё, как братьев наших меньших, Никогда не бил по голове. Знаю я, что не цветут там чащи, Не звенит лебяжьей шеей рожь. Оттого пред сонмом уходящим Я всегда испытываю дрожь. Знаю я, что в той стране не будет Этих нив, златящихся во мгле. Оттого и дороги мне люди, Что живут со мною на земле.</p>
--	--

ПУТЬ К ПРОФЕССИИ

<p>В.Брюсов. Путь к высотам Путь к высотам, где музы пляшут хором, Открыт не всем: он скрыт во тьме лесов. Эллада, в свой последний день, с укором Тайник сокрыла от других веков. Умей искать; умеи упорным взором Глядеть во тьму; расслышь чуть слышный зов! Алмазы звёзд горят над тёмным бором, Льёт ключ бессонный струи жемчугов. Пройди сквозь мрак, соблазны все минуя, Единую бессмертную взыскаю, Рабом склоняется пред своей мечтой, И, вдруг сожжён незримым поцелуем, Увидишь ты дорогу пред собой.</p>	<p>А.А.Ахматова. Мне ни к чему одические рати И прелесть элегических затей. По мне, в стихах все быть должно некстати, Не так, как у людей. Когда б вы знали, из какого сора Растут стихи, не ведая стыда, Как желтый одуванчик у забора, Как лопухи и лебеда. Сердитый окрик, дегтя запах свежий, Таинственная плесень на стене... И стих уже звучит, задорен, нежен, На радость вам и мне. 21 января 1940</p>
---	--

ПУТЬ ПОЗНАНИЯ СЕБЯ

<p>А.А.Блок Стою на царственном пути. Глухая ночь, кругом огни,—</p>	<p>Но труден путь — шумит вода, Чернеет лес, молчат поля... Обетованная земля —</p>
---	---

<p>Неясно теплятся они, А к утру надо — всё найти. Ступлю вперед — навстречу мрак, Ступлю назад — слепая мгла. А там — одна черта светла, И на черте — условный знак.</p>	<p>Недостижимая звезда... Звезда — условный знак в пути, Но смутно теплятся огни, А за чертой — иные дни, И к утру, к утру — всё найти! <i>15 августа 1901</i></p>
---	--

<p>Николай Зиновьев. БОГАТСТВО Огород к речушке. В хате Столик с Библией. Скамья. Полдень. Книга Бытия. Разве этого не хватит?</p>	<p>Николай Зиновьев. ЗАВЕТ Дорогой мой сын Илья, Когда в землю лягу я, По земле шагай ты споро, Можешь даже побежать, Под ногами я опорой Буду намертво лежать.</p>
--	---

<p>А.С.Пушкин Товарищам Промчались годы заточенья; Недолго, мирные друзья, Нам видеть кров уединенья И царскосельские поля. Разлука ждет нас у порогу, Зовет нас дальний света шум, И каждый смотрит на дорогу С волнением гордых, юных дум. Иной, под кивер спрятав ум, Уже в воинственном наряде Гусарской саблею махнул – В крещенской утренней прохладе Красиво мерзнет на параде, А греться едет в караул; Другой, рожденный быть вельможей, Не честь, а почести любя, У плута знатного в прихожей Покорным плутом зрит себя;</p>	<p>Лишь я, судьбе во всем послушный, Счастливой лени верный сын, Душой беспечный, равнодушный, Я тихо задремал один... Равны мне писари, уланы, Равны законы, кивера, Не рвусь я грудью в капитаны И не ползу в асессора; Друзья! немного снисхожденья – Оставьте красный мне колпак, Пока его за прегрешенья Не променял я на шишак, Пока ленивому возможно, Не опасаясь грозных бед, Еще рукой неосторожной В июле распахнуть жилет. 1817</p>
--	---

Лирический герой философствует, раздумывает над самим течением жизни.

<p>М.Цветаева Над синевой подмосковных рощ Накрапывает колокольный дождь. Бредут слепцы калужскою дорогой, — Калужской — песенной — прекрасной, и она Смывает и смывает имена Смиранных странников, во тьме поющих Бога.</p>	<p>И думаю: когда — нибудь и я, Устав от вас, враги, от вас, друзья, И от уступчивости речи русской, — Одену крест серебряный на грудь, Перекрещусь, и тихо тронусь в путь По старой по дороге по калужской.</p>
---	--

<p>М. И.Цветаева Молитва Христос и Бог! Я жажду чуда Теперь, сейчас, в начале дня! О, дай мне умереть, покуда Вся жизнь как книга для меня. Ты мудрый, Ты не скажешь строго: - "Терпи, еще не кончен срок".</p>	<p>Всего хочу: с душой цыгана Идти под песни на разбой, За всех страдать под звук органа и амазонкой мчаться в бой; Гадать по звездам в черной башне, Вести детей вперед, сквозь тень... Чтоб был легендой - день вчерашний, Чтоб был безумьем - каждый день! Люблю и крест, и шелк, и каски,</p>
---	---

Ты сам мне подал - слишком много!
Я жажду сразу - всех дорог!

Моя душа мгновений след...
Ты дал мне детство - лучше сказки
И дай мне смерть - в семнадцать лет!

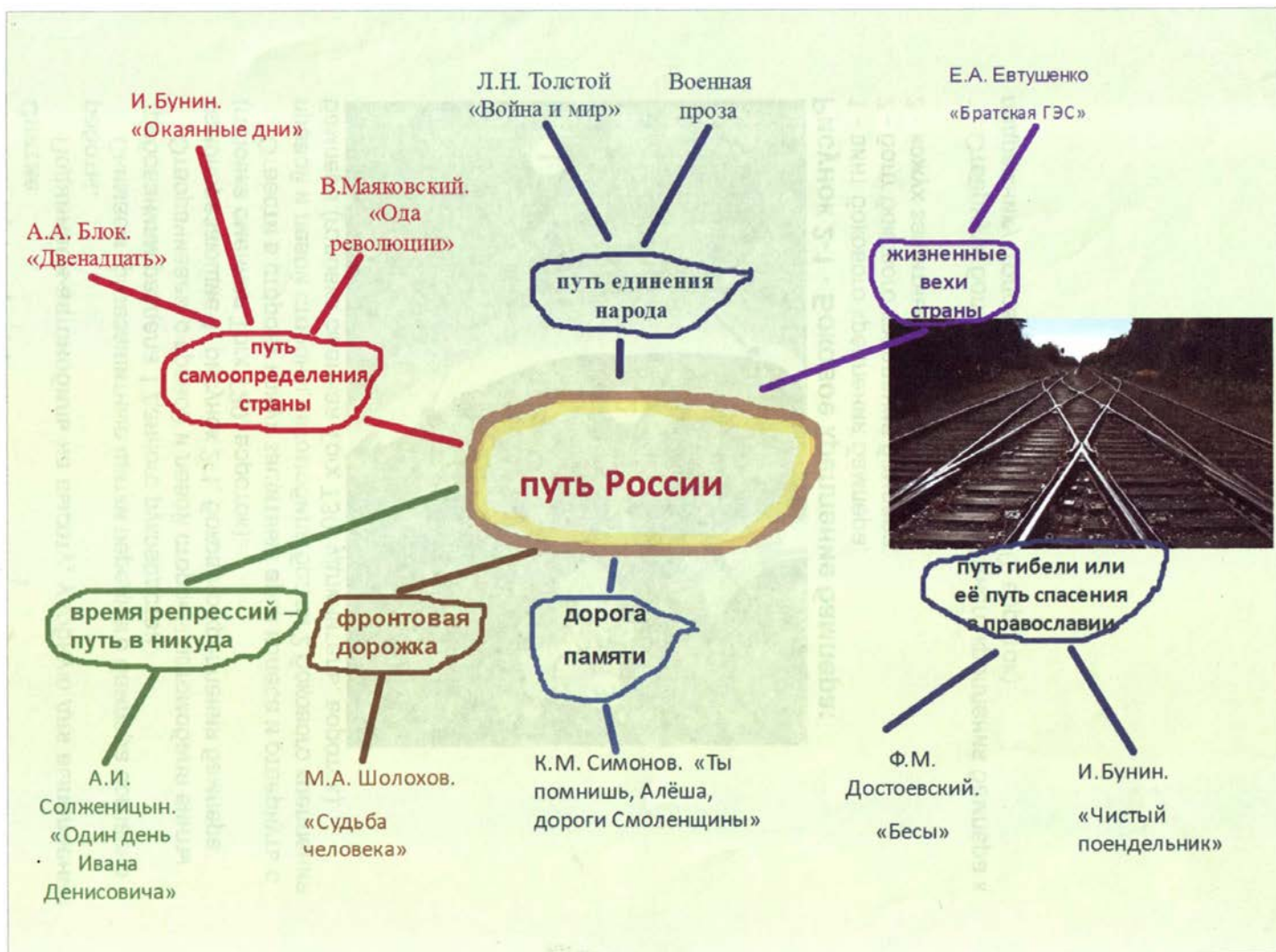
В стихотворении Марины Цветаевой» скрыто обещание жить и творить: «Я жажду... всех дорог!»

И.С.Тургенев.

Мы еще повоюем!
(стихотворение в прозе)

Какая ничтожная малость может иногда перестроить всего человека!
Полный раздумья, шел я однажды по большой дороге.
Тяжкие предчувствия стесняли мою грудь; унылость овладевала мною.
Я поднял голову... Передо мною, между двух рядов высоких тополей, стрелою уходила вдаль дорога.
И через нее, через эту самую дорогу, в десяти шагах от меня, вся раззолоченная ярким летним солнцем, прыгала гуськом целая семейка воробьев, прыгала бойко, забавно, самонадеянно!
Особенно один из них так и надсаживал бочком, бочком, выпуча зоб и дерзко чирикавая, словно и чёрт ему не брат! Завоеватель – и полно!
А между тем высоко на небе кружил ястреб, которому, быть может, суждено сожрать именно этого самого завоевателя.
Я поглядел, рассмеялся, встряхнулся – и грустные думы тотчас отлетели прочь: отвагу, удаль, охоту к жизни почувствовал я.
И пускай надо мной кружит *мой* ястреб...
– Мы еще повоюем, чёрт возьми!
Ноябрь, 1879

ПУТЬ РОССИИ

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ СТРАНЫ

А.Т.Твардовский.

**За далью – даль
(фрагмент поэмы)**

Пора! Ударил отравленьё
Вокзал, огнями залитой,
И жизнь, что прожита с рожденья,
Уже как будто за чертой.

Я видел, может быть, полсвета
И вслед за веком жить спешил,
А между тем дороги этой
За столько лет не совершил;

Хотя своей считал дорогой
И про себя ее берег,
Как книгу, что прочесть до срока
Все собирался и не мог.

Мешало многое другое,
Что нынче в памяти у всех.

А там из – за моря восход
Встает, как зарево, печальный,

И день войны, нещадный день,
Вступает в горы и долины,
Где городов и деревень
Дымятся вновь и вновь руины.

И длится вновь бессонный труд,
Страда защитников Кореи.
С утра усталые ревут
Береговые батареи...

Идут бои горит земля.
Не нов, не нов жестокий опыт:
Он в эти горы и поля
Перенесен от стен Европы.

И вы, что горе привезли
На этот берег возрожденный,

Мне нужен был запас покоя,
Чтоб ей отдаться без помех.

Но книги первую страницу
Я открываю в срок такой,
Когда покой, как говориться,
Опять уходит на покой...

Я еду. Малый дом со мною,
Что каждый в путь с собой берет.
А мир огромный за стеною,
Как за бортом вода, ревет.

Он над моей поет постелью
И по стеклу сечет крупой,
Дурной, безвременной метелью
Свистит и воет в разнойбой.

Он полон сдавленной тревоги,
Беды, что очереди ждет.
Он здесь еще слышней, в дороге,
Лежащей прямо на восход...

Я еду. Спать бы на здоровье,
Но мне покамест не до сна:
Еще огнями Подмосковья
Снаружи ночь озарена.

Еще мне хватит этой полки,
Еще московских суток жаль.
Еще такая даль до Волги,
А там – то и начнется даль-
За той великой водной гранью.

И эта лестница из шпал,
Пройдя Заволжье,
Предуралье,
Взойдет отлого на Урал.
Урал, чьей выработки сталью
Звенит под нами магистраль.

А за Уралом-
Зауралье,
А там своя, иная даль.

А там Байкал, за тою далью,-
В полсутки обогнуть едва ль,-
А за Байкалом –
Забайкалье.

А там еще другая даль,
Что обернется далью новой.

От вашей собственной земли
Всем океаном отделенный,-
Хоть в цвет иной рядитесь вы,
Но ошибется мир едва ли:
Мы вас встречали из Москвы
И до Берлина провожали...

Народ – подвижник и герой –
Оружье зла оружием встретил.
За грех войны – карал войной,
За смерть – печалью смерти метил.

В борьбе исполнен новых сил,
Он в годы грозных испытаний
Восток и Запад пробудил
И вот –
Полмира в нашем стане!

Что ж или тот урок забыт,
И вновь, под новым только флагом,
Живой душе война грозит,
Идет на мир знакомым шагом?

И, чуждый жизни, этот шаг,
Врываясь в речь ночных известий,
У человечества в ушах
Стоит, как явь и как предвестье.

С ним не забыться, не уснуть,
С ним не обвыкнуться и не сжиться.
Он - как земля во рту на грудь
Зарытым заживо ложится...

Дорога дальняя моя,
Окрестный мир страны обширной,
Родные русские поля,
В ночи мерцающие мирно,-

Не вам ли памятни года,
Когда по этой магистрали
Во тьме оттуда и туда
Составы без огней бежали;

Когда тянулись в глубь страны
По этой насыпи и рельсам
Заводы – беженцы войны-
И с ними люди – погорельцы;

Когда, стволы зениток ввысь
Подняв над «улицей зеленой»,
Безостановочно неслись
Туда, на запад, эшелоны.

<p>А та, неведомая мне, Еще с иной, большой, суровой, Сомкнется и пройдет в окне...</p> <p>А той порой, отменно точный, Всего пути исполнив срок, Придет состав дальневосточный На Дальний, собственно, Восток, Где перед станцией последней, У пограничного столба, Сдается мне, с земли соседней Глухая слышится пальба.</p> <p>Но я еще с Москвою вместе, Еще во времени одном. И, точно дома перед сном, ЕЕ последних жду известий; Она свой голос подает И мне в моей дороге дальней.</p>	<p>И только, может, мельком взгляд Тоски немой и бесконечной Из роты маршевой солдат Кидал на санитарный встречный...</p> <p>Та память вынесенных мук Жива, притихшая, в народе, Как рана, что нет – нет – и вдруг Заговорит к дурной погоде.</p> <p>Но, люди, счастье наше в том, Что счастья мы хотим упорно, Что на века мы строим дом, Свой мир живой и рукотворный.</p> <p>Он всех людских надежд оплот, Он всем людским сердцам доступен. Его ли смерти мы уступим?.. На Спасской башне полночь бьет...</p>
<p>Произведение состоит из 15 глав с плавным переходом от одной к другой. Вдохновением для поэмы стало путешествие по России, включающее в себя Сибирь, Урал, Дальний Восток. Поэма имеет автобиографический характер, присутствуют диалоги и описание пейзажей родины. На одной из остановок автор встречает своего друга детства, которому посвящает одну из глав поэмы. Если говорить коротко, то основа произведения - размышления, воспоминания и описание видов из окна вагона.</p> <p>Читайте подробнее на FB.ru: http://fb.ru/article/192188/za-dalvu---dal-tvardovskiy-kratkoe-soderzhanie-aleksandr-tvardovskiy-poema</p>	

<p>А.Блок</p> <p>Опять, как в годы золотые, Три стёртых треплются шлеи, И вязнут спицы росписные В расхлябанные колеи... Россия, нищая Россия, Мне избы серые твои, Твои мне песни ветровые, - Как слёзы пёрвые любви! Тебя жалеть я не умею И крест свой бережно несу... Какому хочешь чародею Отдай разбойную красу!</p>	<p>Пускай заманит и обманет, - Не пропадёшь, не сгинешь ты, И лишь забота затуманит Твои прекрасные черты... Ну что ж? Одно заботой боле - Одной слезой река шумней А ты всё та же - лес, да поле, Да плат узорный до бровей... И невозможное возможно, Дорога долгая легка, Когда блеснёт в дали дорожной Мгновенный взор из-под платка, Когда звенит тоской острожной Глухая песня ямщика!..</p>
---	--

ДОРОГА ПАМЯТИ

<p>С.А.Есенин</p> <p>Серебристая дорога, Ты зовешь меня куда? Свечкой чисточетверговой Над тобой горит звезда.</p> <p>Грусть ты или радость теплишь? Иль к безумью правишь бег? Помоги мне сердцем вешним Долюбить твой жесткий снег.</p>	<p>С.А.Есенин</p> <p>О красном вечере задумалась дорога, Кусты рябин туманней глубины. Изба-старуха челюстью порога Жует пахучий мякиш тишины. Осенний холод ласково и кротко Крадется мглой к овсяному двору; Сквозь синь стекла желтоволосый отрок Лучит глаза на галочью игру. Обняв трубу, сверкает по повети Зола зеленая из розовой печи.</p>
--	--

Дай ты мне зарю на дровни,
Ветку вербы на узду.
Может быть, к вратам Господним
Сам себя я приведу.

Кого-то нет, и тонкогубый ветер
О ком-то шепчет, сгнувшем в ночи.
Кому-то пятками уже не мять по роцам
Щербленный лист и золото травы.
Тягучий вздох, ныряя звоном тощим,
Целует клюв нахохленной совы.
Все гуще хмарь, в хлеву покой и дрема,
Дорога белая узорит скользкий ров...
И нежно охает ячменная солома,
Свисая с губ кивающих коров.

К.М.Симонов.

Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...

Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,
Как слезы они вытирали украдкою,
Как вслед нам шептали: — Господь вас спаси! —
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,
Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки Родина -
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и с песнею женскою
Впервые война на проселках свела.

Ты помнишь, Алёша: изба под Борисовом,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.

Ну что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала: - Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем.

«Мы вас подождем!» — говорили нам пажити.
«Мы вас подождем!» — говорили леса.
Ты знаешь, Алёша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,

А.Т.Твардовский

Когда пройдешь путем колонн...

Когда пройдешь путем колонн
В жару, и в дождь, и в снег,
Тогда поймешь,
Как сладок сон,
Как радостен ночлег.

Когда путем войны пройдешь,
Еще поймешь порой,
Как хлеб хорош
И как хорош
Глоток воды сырой.

Когда пройдешь таким путем
Не день, не два, солдат,
Еще поймешь,
Как дорог дом,
Как отчий угол свят.

Когда - науку всех наук -
В бою постигнешь бой,-
Еще поймешь,
Как дорог друг,
Как дорог каждый свой -

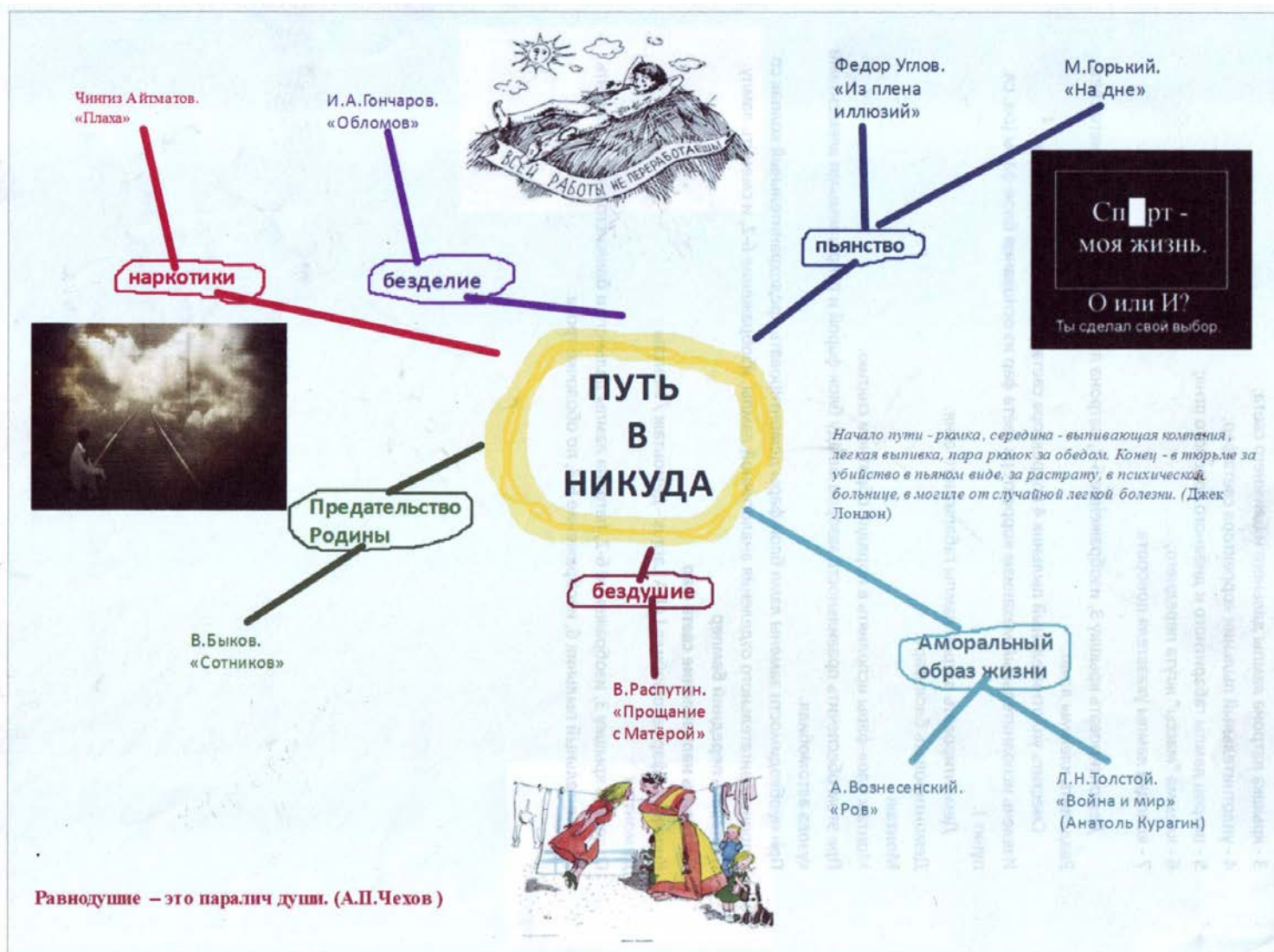
И про отвагу, долг и честь
Не будешь зря твердить.
Они в тебе,
Какой ты есть,
Каким лишь можешь быть.

Таким, с которым, коль дружить
И дружбы не терять,
Как говорится,
Можно жить
И можно умирать.

На наших глазах умирали товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.
Нас пули с тобою пока еще милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился,
За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

1941

ПУТЬ В НИКУДА

Чингиз Айтматов.

Плаха (пересказ фрагмента романа) Часть первая

Действие романа начинается в Моюнкусском заповеднике, где жила волчья пара – Акбара и Ташчайнар. Летом у них родились волчата, а когда выпал первый снег, волки, отправившись на охоту, обнаружили, что в заповеднике полно людей. Охотники приехали в заповедник, чтобы выполнить план по сдаче мяса, и стреляли сайгаков. Во время охоты погибли и волки, жившие в заповеднике – осталась только Акбара и Ташчайнар, их волчата тоже были мертвы. Охотники складывали туши сайгаков в вездеход. В том же вездеходе лежал связанный Авдий Каллистратов – внештатный сотрудник областной комсомольской газеты, который в свое время был исключен из духовной семинарии.

Авдий имел свои представления о том, какой должна быть настоящая «праведная» жизнь и всеми силами открыто боролся с теми, кто, по его мнению, жил неправильно.

Как-то раз он получил задание от газеты проследить, каким путем попадают в среднюю полосу России наркотики. Авдий, для того чтобы проследить путь наркотика присоединился к компании «гонцов за анашой», которая отправлялась в Среднюю Азию. Еще на вокзале он понял, что среди «гонцов» существуют свои правила – например, они не должны общаться друг с другом, чтобы в случаи поимки никого не могли выдать. Во время пути он также понял, что есть человек, который руководит всеми, разрабатывает план. Все «гонцы» звали его «Сам». Ради встречи с ним Авдий

решает пойти до конца, он вместе с другими гонцами собирает коноплю, набивая ею рюкзак, и едет обратно. По дороге на конопляное поле происходит знаменательная встреча – Авдий знакомится с белокурой кареглазой девушкой, которая оставила в его сердце глубокий след.

Добравшись до железной дороги, Авдий видит у товарного поезда Гришана, и догадывается, что это и есть тот таинственный человек, ради встречи с которым он проделал тяжелый путь – «Сам».

Часть вторая

Гришан сразу понял, что Авдий – это не обычный «гонец», что у него есть в жизни принципы, прямо противоположные его собственным принципам. Он захотел, чтобы Авдий отдал свою добычу и ушел, но тот остался вместе со всеми. Все «гонцы» смогли запрыгнуть в вагон товарного поезда, и там Гришан разрешил им выкурить самокрутку с травой. Сделал он это нарочно, чтобы позлить Авдия. Сам Гришан, как и Авдий, не курил. Авдий понимал, что сделать в данный момент ничего не может, но все же нервы его не выдержали - когда один из «гонцов» стал к нему приставать с требованием присоединиться к курящим, он выхватил у того из пальцев бычок и выкинул его в открытую дверь вагона, а потом стал высыпать туда же и траву из своего рюкзака, призывая и всех остальных сделать то же самое. В результате Авдия жестоко избили и выкинули из вагона.

Авдий упал в кювет у железнодорожных путей, ему виделась сцена разговора Иисуса с Понтием Пилатом. Потом, когда он пришел в себя, он вдруг представил, что существует сразу в двух мирах – в этом и в том, где он пытается спасти Иисуса, Учителя.

Переночевал Авдий под мостом, а утром увидел, что его паспорт и деньги насквозь промокли. На попутке он смог добраться до станции. Но вид у него был настолько грязный, что на станции его арестовали и доставили в участок, где он увидел всех «гонцов», с которыми вместе ехал. Не было среди них только Гришана. Услышав, что его собираются отпустить, Авдий потребовал, чтобы его посадили к «гонцам» - он решил, что сможет убедить их вернуться к «правильной» жизни. Милиционер, сделав вывод, что перед ним сумасшедший, привел его на станцию и посоветовал уехать. Но на станции Авдию становится совсем плохо. Скорая помощь отвозит его в местную больницу...

Ф.Углов.

Из плена иллюзий (главы) К ЧИТАТЕЛЮ

Вот мы и встретились снова...

Откровенно скажу: каждая такая встреча радует. И тревожит... Найдем ли мы общий язык, поймем ли друг друга, отзовутся ли в читательском сердце те тревоги и надежды, которые всецело занимают меня? Протянем ли мы друг другу руки, как единомышленники, помощники? Или между нами ляжет полоса отчуждения и холодного равнодушия?

Нынешняя встреча особенно волнует. И не только потому, что за страницами этой книги - многолетние исследования, мучительные размышления, вереницы человеческих судеб и историй, опыт всей жизни и взгляд в наше завтра. Дело еще и в том, что тема нашего разговора достаточно щепетильная, личностная, хотя она и имеет огромное общественное значение. И, увы, тема малопривлекательная - об алкоголе и его последствиях.

Но не спешите на этом основании закрыть книгу. Постарайтесь прочитать ее до конца. Убежден, что эта на первый взгляд набившая оскомину тема большинству известна весьма поверхностно. Тем более что алкогольная ситуация приобрела ныне значительную остроту, она вызывает серьезную озабоченность общественности.

В настоящее время вряд ли кто будет оспаривать тот факт, что потребление алкогольных напитков приносит много вреда обществу, много горя людям и разоряет государство. Между тем вопрос о том, как избавить людей от этой вредной привычки, не так-то прост. По этому поводу высказываются советы и предложения самого противоречивого характера. Может быть, это связано с тем, что население не имеет ясного представления об алкогольных напитках и их влиянии на организм человека, а сведения, которые оно много лет получало из книг, кинофильмов, прессы, часто расходилось с тем, что говорит об алкоголе наука и что мы видим в жизни.

Одни ратуют за культуру потребления спиртного и даже рекомендуют обучать детей этому "искусству" с раннего возраста, другие советуют пить лишь сухие вина и утверждают, что они не

только безвредны, но и полезны, третьи доказывают, что лучше всего употреблять водку, но в меру. И т. д. и т. п.

Такое разногласье дезориентирует человека и может привести к неправильным выводам.

Ныне положение дел меняется к лучшему, но многое еще надо уяснить и осознать, чтобы понять до конца, какой непоправимый вред несет алкоголь человеку и обществу.

Мне, как хирургу, уже более 50 лет приходится оперировать людей, и я постоянно видел и вижу, какие глубокие и необратимые изменения возникают в организме человека под влиянием алкоголя. Эти яды очень коварны. Долгое время они ничем себя не проявляют, и человеку кажется, что дурман этот легок и приятен, создает видимость веселья и хорошего настроения, словом, совершенно безобиден. Его уже тянет к алкогольным напиткам, и он охотно поддается желанию еще и еще раз одурманить себя ими. А между тем в человеке идет накопление тех тяжелых последствий, которые в конце концов расстраивают его здоровье и на 15-20 лет сокращают и без того слишком короткую человеческую жизнь.

Самые опасные из этих последствий - те изменения, которые происходят после приема алкоголя в мозгу. Научными данными твердо установлено, что благодаря усиленной концентрации алкоголя в коре головного мозга происходит склеивание красных кровяных телец и создаются условия, при которых нейроны гибнут в больших количествах. После каждого приема спиртных напитков в коре головного мозга остается целое кладбище нервных клеток, которые, как известно, не восстанавливаются. И чем больше выпито этого яда, тем обширнее разрушение мозга.

Вот почему, несмотря на миллиарды нервных клеток, которыми природа нас предусмотрительно наградила, их гибель происходит столь интенсивно, что уже довольно быстро у человека проявляются признаки деградации умственных способностей. Изменения в мозгу происходят постепенно, они долго остаются незамеченными, поскольку касаются самых высших отделов коры головного мозга, где происходит активная мыслительная работа, где возникают самые сложные ассоциации. Со временем это снижение умственного уровня человека становится более выраженным и заметным прежде всего по результатам его творчества, по его изменившемуся характеру.

Не может оставить равнодушным каждого патриота своей Родины и появление умственно неполноценных детей как результат употребления спиртных напитков их родителями. Давно известно, что народ, не употребляющий алкогольные напитки, при прочих равных условиях является более здоровым в физическом, умственном и нравственном отношении, чем тот, у которого потребление алкоголя получило широкое распространение.

При массовом употреблении алкоголя увеличивается число людей с явлениями преждевременной деградации, безнравственного поведения. Еще Аристотель метко заметил: "Опьянение есть добровольное сумасшествие человека".

В течение миллиардов лет на планете Земля создавалось чудо, может быть, единственное во всей вселенной - разум человека. Это потребовало преодоления множества препятствий. А ныне ясный и чистый человеческий разум, увы, по воле самих людей уничтожается наркотиками, среди которых самым опасным и широко распространенным является алкоголь, яд, который в состоянии не только остановить прогресс человеческого гения, но и привести его к деградации.

Партия и правительство принимают решительные меры против алкоголизма. В апреле 1985 года Политбюро ЦК КПСС всесторонне обсудило вопрос о борьбе с пьянством и алкоголизмом. Рассматривая преодоление этого уродливого явления как социальную задачу большой важности, ЦК КПСС одобрил целый комплекс мер по усилению борьбы с пьянством и алкоголизмом и устранению их из жизни нашего общества, была подчеркнута важность широкого развертывания антиалкогольной пропаганды.

Строки этого документа обращены к каждому из нас. И каждый должен осознать одну простую истину: **трезвость - вот норма нашей жизни**. Те, кто призывает к "умеренной" дозе, "культуре" потребления спиртных напитков, сами находятся в плену у алкоголя. Пьянство и культура несовместимы ни в каких видах и "пропорциях", это антиподы.

Особенно вредно пьянство в молодом возрасте. Поэтому свою книгу я обращаю прежде всего к молодежи, к тем, кто создает наше сегодняшнее и завтрашнее могущество. Помыслы, устремления и образ жизни современной молодежи во многом будут определять облик нашего народа в XXI веке. И я мечтаю видеть молодых людей нравственно и физически здоровыми, духовно богатыми, истинными

патриотами социалистического Отечества.

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ

(фрагмент главы)

Как-то еще в дореволюционное время, когда мы жили в Киренске, говорит мне мама:

- Феденька, сбегай позови Гриба Соленого. Я в это время читал какую-то интересную книгу и, увлекшись, расслышал только последние два слова. Схватил кастрюльку, побежал в погреб, где у нас не переводились грибы, засоленные в бочке с осени, и принес их маме.

- Вот, мама, я принес соленых грибов!

- Нет, Феденька, ты невнимательно меня слушал. Я просила тебя сбежать на квартиру к Грибу Соленому и позвать его к нам,

Я с недоумением уставился на маму.

- Как можно приглашать соленого гриба?

- Разве ты не знаешь нашего печника, Гриба Соленого? Он прекрасно умеет чинить печь, а наша что-то стала плохо гореть и часто дымит. Если только он в состоянии, пусть придет сейчас же.

- А почему он может быть не в состоянии? Он что, очень болен?

- Нет, Феденька, он не болен, но он очень сильно пьет. Жаль человека. Такой хороший мастер, а вот губит себя этой проклятой водкой. Кто только выдумал ее. Сколько она хороших людей сгубила.

Мама нас всегда называла ласкательными именами. Ни разу за всю жизнь я не слышал, чтобы она сказала "Федька". Редко скажет "Федя", а чаще - "Феденька".

И так ко всем детям. Уже будучи взрослым, я часто задумывался над этим. Откуда у этой простой неграмотной русской женщины столько добра и ласки? С какой любовью и уважением относилась она ко всем. И если в моих делах находят доброту к людям, то все это мне передано от мамы.

Я сбежал по указанному адресу. Гриб Соленый сидел за столом, на котором стояла бутылка со светлой жидкостью. Эту жидкость он наливал в жестяную кружку, выпивал и закусывал луковицей с черным хлебом.

Когда я ему сказал, зачем пришел, он сразу же отставил свою скромную трапезу и, надев рваную фуражку, пошел со мной.

- Я Настасье Николаевне никогда не откажу и всегда все сделаю. Я ее очень уважаю. Такая добрая душа!

И, провозившись около печки часа два, он исправил ее. Мама, очень довольная, сразу же затопила печь, и, радостная, заявила, что та топится как надо. Она усадила Гриба Соленого за стол, принесла ему выпить, хорошо покормила и уплатила ему, хотя он денег сначала не брал. Ушел печник очень довольный таким сердечным отношением к нему.

За годы нашей жизни в Киренске я еще не раз встречал этого человека и неоднократно разговаривал о нем с другими. В городе никто не знал ни его фамилии, ни имени и отчества. Все звали его Грибом Соленым, а почему, никто мне так и не смог объяснить. Несмотря на его внешнюю грубость, он был деликатный человек, никого не оскорблял, и если уж на кого сердился, то его самое большое ругательство было: "Эх ты, гриб соленый!" Вероятно, так его и прозвали Грибом Соленым. Он был известен на весь город тем, что часто ходил по домам на заработки. Все удивлялись, как может он так хорошо работать, будучи сильно пьяным.

Был он мастер по укладке и ремонту печей. Лучше его никто у нас этого не делал. Сложенные им печи всегда топились хорошо и никогда не дымили. Если какая-то печь была не в порядке, стоило только пригласить Гриба Соленого, и после того, как он "поколдует" над ней, она начинала гореть и греть совсем по-другому. Он был буквально кудесником печей, и все старались заманить его к себе, если надо было сделать или отремонтировать печь.

Печь в Сибири - это самое главное. Без нее человеку жизни нет. В каждом доме, как правило, была одна русская печь - это действительно уникальное творение русского человека, в котором сказалась глубокая народная мудрость. Одна печь, а исполняет все необходимое: и кашеварит, и хлеб знатный печет, и избу греет. Пища в печке всегда горячая, а на печке всегда тепло. Здесь и спят, и от недугов лечатся.

Нет ничего удивительного в том, что человек, умеющий складывать печи, пользовался у нас большим авторитетом. Самым высоким почетом среди всех печников, бесспорно, обладал Гриб Соленый. Но заполучить его было непросто. Слишком часто он был столь нетрезв, что вообще ничего

не мог делать.

Как получилось, что человек, находившийся постоянно в состоянии алкогольного опьянения, был в то же время хорошим мастером? Можно ли это объяснить?

Несомненно, это был одаренный человек, с ярко выраженными профессиональными способностями. Отец его был печником, и Гриб Соленый с ранних лет работал у него подручным. Он внимательно, как зачарованный смотрел на работу своего отца и, будучи еще совсем мальчиком, с увлечением трудился. Как-то, оставшись один, он укладывал кирпичи так ловко и красиво, что отец, увидев его за работой, сказал:

- У тебя неплохая смекалка и руки на месте. Должен стать добрым печником.

Отец умер рано, и ему не удалось увидеть работу своего сына. Оставшись в 11 лет старшим в доме, мальчик стал работать всерьез, чтобы прокормить семью. Он с ходу овладевал премудростями своей профессии, жадно прислушиваясь к советам и разговорам старых мастеров и по-своему их осмысливая. Чем больше он работал, тем лучше осваивал свою специальность. Если бы он смог учиться и совершенствоваться, если бы вдобавок к его природным способностям у него была бы и настойчивость, и жажда знаний, то, может быть, он развил бы печное дело дальше и сконструировал бы печи более экономные, меньших габаритов и более эстетически привлекательные. Но своего ума и воли у него не хватило, доброго, умного наставника рядом не оказалось, возможностей учиться не было.

Способности и умения Гриба Соленого создавали для него возможность зарабатывать больше, чем он с его скромными запросами мог потратить. А среди старших товарищей не нашлось такого, который подсказал бы правильную дорогу. Те, что работали вместе с ним, были пьющими и, видя у молодого парня деньги, подбивали его на покупку водки: "надо распить магарыч", "надо обмыть сложенную печь", "с получки" и так далее. Постоянно требовали от него денег, чтобы купить водку "в складчину". Вредная и опасная тенденция вовлекать в пьянство молодых, можно прямо сказать, сбивала с правильного пути и даже погубила не одну тысячу способных молодых рабочих. Когда кадровый рабочий вовлекает ученика в свою "питейную кампанию" вместо того, чтобы по-отечески предупредить его, то это многое говорит о качествах учителя. Во все века учитель любого дела брал на себя большую ответственность не только зато, чтобы научить юношу ремеслу, но и за воспитание его как человека, чтобы, видя, как он становится мастером, гражданином, уважаемым человеком, с гордостью сказать - это мой ученик!

И ученики, как правило, всю жизнь с благодарностью вспоминали своих учителей, если те не только выучили их чему-то, но и воспитали в них высокие моральные качества. Среди народа уважение к учителю почти равнялось сыновнему. Хороший учитель ставился рядом с родителями.

И если мастер-учитель или старший рабочий посылает своего ученика за водкой и вместе с ним ее распивает, он берет на себя большую моральную ответственность за губительные последствия такого шага. Ведь, как правило, юноша верит в своего наставника и думает, что тот учит его только хорошему.

Очень может быть, что наш молодой печник, ставший впоследствии Грибом Соленым, пристрастился к спиртному не сразу. Выпив несколько раз под давлением товарищей, он постепенно стал привыкать к вину. Ему стало нравиться состояние опьянения, тот самообман, который наступает у человека под влиянием алкоголя. Скромный от природы, застенчивый и несколько замкнутый, выпив, он становился развязным и самоуверенным, сразу же переоценивал свои возможности, воображая себя выдающимся мастером, сильным и ловким.

Правда, наутро все это исчезало, и он видел все иначе, чем вчера. Голова болит, руки плохо слушаются, как будто и опыта никакого нет, и работу надо начинать сначала, как новичку. И такое состояние возникало у него каждый раз после очередной пьянки, "отдыха".

Это состояние человека было тщательно изучено нашим выдающимся психиатром И.А.Сикорским, который писал, что раз произведенное над мозгом насилие оставляет след, и, когда исчезают все явления острого отравления алкоголем и организм, казалось бы, уже совершенно свободен от него, еще дает о себе знать одна важная перемена, а именно - перемена в мозгу человека.

Научные данные, полученные в лаборатории с помощью психометрических приборов, дают возможность определить вредное влияние алкоголя на рабочего человека. Работающий за неделю совершенствует свои нервные "аппараты". К концу недели его рука становится ловчее, глазомер

тоньше, а умственный механизм пронизательнее и острее. Если воскресный или праздничный день проведен в разумном отдыхе, освоенное остается прочным и незыблемым. Но употребление спиртных напитков уничтожает все, чем человек обогатил свой ум и профессиональный опыт в течение недели. Этим и объясняется, что, начав пить, человек останавливается в своем росте или он идет у него чрезвычайно медленно. Каждая очередная выпивка отбрасывает его далеко назад. Ум бодрые, здоровые нервные центры, полученные нами как великое наследие от предков, необдуманно уродуются и губятся алкоголем, чем понижаются трудовые качества, нравственное достоинство людей.

Поэтому так необходимо беречь главное богатство человека - нервы, мозг, охраняя их от ядовитого, всеразрушающего действия алкоголя.

При употреблении алкогольных напитков рядом с понижением трудовых способностей нарушается и психическое здоровье людей, которое составляет один из самых важных источников силы государства и роста благосостояния народа, обеспечивает правильный и успешный ход его умственного развития. Оно служит основой выносливости и неутомимости народа в мирном труде и в периоды испытаний. Вспомним годы гражданской войны, мирного восстановительного труда, самоотверженной борьбы народа в Великую Отечественную войну, когда именно морально, нравственно здоровые люди в невероятно тяжелых условиях победили и разруху и коварного врага, отстояли и защитили наши идеалы.

Бесконечно прав Владимир Маяковский, утверждая - "трезвым мозгом сильна коммуна".

Конечно, падение человека происходит не сразу. Все, что есть в нем здорового, сопротивляется. Наутро он с горечью и презрением к самому себе думает о вчерашней пьянке, а о водке не может вспомнить без содрогания. Но на следующем же празднике его вновь уговорили. Он выпил и опять получил удовольствие от самообмана. Прошло какое-то время, и человек уже не отказывался и вместе с товарищами пил каждый раз, как пили они. Стала болеть голова, трястись руки. Товарищи посоветовали выпить рюмку водки с утра. Он выпил, почувствовал, что головная боль исчезла, руки перестали трястись. Так человек попадает в полную алкогольную зависимость и уже пьет, как только ему представляется возможность - и в праздники, и в будни, и утром, и вечером.

Так произошло и с Грибом Соленым. Состояние опьянения для него стало обычным. Как только алкоголь выветривался, он становился больным, не способным ни на что. Если не было денег, ходил к своим бывшим клиентам, выпрашивая рюмочку, чтобы опохмелиться. Те, зная его способности и понимая, что в случае надобности им придется обращаться к нему же, не отказывали.

К тому времени, когда в стране было запрещено производство и продажа водки и других спиртных напитков и введена принудительная трезвость, то есть к 1914 году, Гриб Соленый так изменился, что остановиться и бросить пить уже не мог. Запрета на производство кустарного хмеля не было, и жизнь людей, подобных Грибу Соленому, приобрела новый смысл: где раздобыть самогона или пива, чтобы утолить свою тягу к вину. Если бы запрет коснулся и этого источника пьянства, такие, как Гриб Соленый, первое время мучились бы сильнее, тяжелее бы перенесли полное воздержание, зато раньше и полнее освободились бы от опасной тяги к выпивке.

Д.С.Лихачёв.

Письма о добром и прекрасном Письмо двадцать девятое ПУТЕШЕСТВУЙТЕ!

Одна из самых больших ценностей жизни – поездки по своей стране и по чужим странам. При этом остерегайтесь делить поездки на интересные и неинтересные, а места, которые посетили, на значительные и незначительные. Даже степени значительности посещенных вами мест старайтесь не устанавливать. Делите поездки на те, к которым вы подготовились, и те, к которым не подготовились или подготовились плохо. Любой город, любая страна, любое место, к поездке в которые вы не подготовились, – неинтересны и скучны. И наоборот, если вы знаете историю места, оно становится в десять раз интереснее.

Что значит подготовиться к поездке в незнакомый город – город, в котором вы еще не бывали? Это значит – изучить его историю, знать его планировку, хотя бы по туристическим схемам, отметить на карте заранее все места, которые нужно посетить, и примерные маршруты, чтобы не терять времени.

Не упускайте случая находить интересное даже там, где вам кажется неинтересно. На земле нет неинтересных мест: есть только неинтересующиеся люди, люди, не умеющие находить интересное, внутренне скучные.

Мне всегда неприятны люди, которые, посещая новые для них места, со скучающим видом говорят своим спутникам: «А вот я был в Париже... так там...» Надо уметь погружаться в атмосферу того места, куда вас забросила судьба, и всюду уметь находить свое, собственное, характерное. Умение это, конечно, дается не одним абстрактным желанием, но и знаниями. И особенно важны знания, приобретенные еще до поездки.

Всегда интересны впечатления художников. Читайте записки и воспоминания художников об их поездках. Не знаю почему, но все художники удивительно хорошо пишут. Чудесные писатели – Коровин, Бенуа, Добужинский, Грабарь...

Как они умели смотреть и видеть, а затем запечатлеть увиденное не только в живописи, но и в своих записках!

М. В. Добужинский пишет в своих воспоминаниях, какое огромное впечатление на него в молодости произвели Мюнхен, Венеция и Париж, впервые им посещенные. В Россию ему пришлось вернуться внезапно (за границей неожиданно умер маленький сын Добужинских, которого они решили похоронить в родном Вильнюсе). И вот после Мюнхена, Парижа и Венеции он оказывается среди маленьких литовских кладбищ. И вот что он пишет: «Мы с женой часто ездили в коляске по шоссе или через лес в сторону Немана или вдоль полей, и я видел снова печальный и милый литовский пейзаж: песчаные поля, и, как зеленые оазисы, среди них романтические кладбища со щетиной высоких крестов и сосен, и серое осеннее небо, с медленно летящей одинокой вороной.

Эти кладбища, резные литовские кресты, леса на горизонте и бедное местечко Олиту, где стоял красный старый деревянный костел, я знал и любил еще до Мюнхена, но теперь – после всего, что я видел за границей, этот уголок показался мне своеобразным чрезвычайно.

Мы побывали в Вильно – и снова мой любимый город меня очаровал. И в будущем Вильно с его восхитительным, изящным барокко-после каждого моего путешествия за границу, когда проездом в Петербург я туда заезжал, – всегда выдерживал экзамен в сравнении».

Вот это настоящий результат по-настоящему интеллигентного человека от его поездок и путешествий: для внутренне богатого человека весь окружающий мир неисчерпаемо богат.

И второе: поездки воспитывают оседлость, оседлость нравственную, любовь к родному.

Когда доведется бывать в новом городе, смотреть знаменитые произведения искусства или знаменитые пейзажи, не поддавайтесь тому, что о них слышали, читали, о чем вам «прожужжали уши». Много из того, что вы прочитали, поможет понять красоту и ценность увиденного, но может отчасти и помешать собственному, индивидуально вашему впечатлению. Цените свое, но цените искренне и не старайтесь противоречить общему мнению во что бы то ни стало (такое тоже часто встречается у обостренно самолюбивых людей).

Приведу пример из собственных впечатлений (хотите примите эти впечатления, хотите – нет). Я старый петербуржец-ленинградец. Я родился в Петербурге, и там же родились мои родители, прадеды. С XVIII века предки мои жили в Петербурге.

Мне с детства постоянно внушали, как красива Нева. Как торжествен центр Невы, как торжествен на Неве ход ладожского льда, какую пышность придает городу игла Петропавловской крепости, как красив традиционный полуденный, ровно в 12 часов, выстрел из пушки Петропавловской крепости.

Что центр Невы в самом ее широком месте красив – спору нет. Но почему-то этот центр навевает на меня тоску. Это одно из самых печальных и тоскливых мест, которые я видел в своем городе, особенно когда от Зимней канавки смотришь на Петропавловскую крепость. Сердце сжимается тоской... Может быть, я с детства слышал об узниках крепости и особенное впечатление на меня произвела в детстве ужасная легенда о княжне Таракановой, затопленной в своей камере ворвавшимся наводнением? Не знаю. И красивейший в мире весенний ледоход так ассоциируется во мне с темой брэнности всего существующего.

А как хороши в Ленинграде более интимные места – особенно каналы! Что может быть красивее удивительных уголков, открывающихся, когда гуляешь по Мойке (например, у последней квартиры Пушкина), по каналу Грибоедова (особенно у мостика с грифонами), по Крюкову каналу (вспомните о колокольне, построенной Чевакинским у «Николы Морского»), по Фонтанке. Одно из красивейших мест в Ленинграде – Новая Голландия и особенно ворота в ней Деламота (хочется сказать «врата»), впускающие в себя канал, по которому подвозили товары на склады. Я особенно люблю канал Грибоедова, где в строгой планировке улиц он делает извив, напоминающий латинскую буку «S»: посмотришь вперед – канал с чудесным мостом через него. Посмотришь назад – опять тот же канал. Канал вносит оживление и беспорядок в казенный порядок улиц, и не случайно Достоевский сделал эти улицы местом действия своего романа «Преступление и наказание». Рассуждения Раскольников мнимо упорядочивают жизнь, а она на самом деле течет по своим законам. Вода в канале течет, как течет жизнь. Канал, или «канава», как ее называет Достоевский, «размыл» строгую и жестоко казенную планировку улиц. Пройдите из конца в конец канал Грибоедова, Мойку, канал Пруштейна... А в Москве пройдите весь старый Арбат, Сивцев Вражек, улицу Кропоткина.

Город наводит на размышления. На размышления наводит Орел – в той его части, где происходило действие «Дворянского гнезда» Тургенева, или река Орлик, на которой жил герой прекрасного произведения Н. С. Лескова – «Несмертельный Голован». А замечательнейшие бульвары по берегам волжских городов – Ульяновска, Ярославля, Костромы, Горького... Разве не заставляют они нас думать вместе с Островским, Горьким, Гончаровым?

Путешествия многое нам открывают, о многом заставляют думать, мечтать.

А.С.Пушкин.

Дорожные жалобы

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь судил,

На камнях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разобранным мостом.

Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине.

Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

То ли дело быть на месте,
По Мясницкой разъезжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!

То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непворный инвалид.

То ли дело, братцы, дома!...
Ну, пошел же, погоняй!...

Дорожный мотив соединяется с темой смерти как конца пути.

Н.Рубцов

ДОРОЖНАЯ ЭЛЕГИЯ

Дорога, дорога,
Разлука, разлука.
Знакома до срока
Дорожная мука.
И отчее племя,
И близкие души,
И лучшее время
Все дальше, все глуше.
Лесная сорока
Одна мне подруга.
Дорога, дорога,
Разлука, разлука.
Устало в пыли
Я влачусь, как острожник.
Темнеет вдали,
Приуныл подорожник.

Юрий Визбор

Ах, дорога, дорога, знакомая синяя птица!
Мне давно полюбилась крутая твоя полоса.
Зной пустынь, шум тайги, золотые степные
зарницы
У истоков твоих основали свои полюса.
По лицу твоему проползают ночные туманы,
Караваны машин топчут шинами тело твоё,
Над твоей головой зажигаются звёзд караваны,
А в ногах твоих солнце, как путник твой вечный,
встаёт.
- Ах, дорога, дорога, куда же летишь ты, куда ты?
- Я лечу по горам, удивляюсь, куда ж занесло.
Я беру и швыряю бубновые масти заката
На твоё ветровое, выдавшее виды стекло.
Как весёлые зайцы, выпрыгивают повороты,
Развеваются ветры, как плащ за мою спиной.
Дорогая дорога, живущего мира ворота,
Отворись предо мной, отворись предо мной.

Н.А.Некрасов

В Европе удобно, но родины ласки
Ни с чем несравнимы. Вернувшись домой,
В телегу спешу пересесть из коляски
И марш на охоту! Денек не дурной,
Под солнцем осенним родная картина
Отвыкшему глазу нова...
О матушка Русь! ты приветствуешь сына
Так нежно, что кругом идет голова!
Твои мужики на меня выгоняли
Зверей из лесов целый день,
А ночью возвратный мой путь освещали
Пожары твоих деревень.

А.А.Фет

Италия

Италия, ты сердцу солгала!
Как долго я в душе тебя лелеял,—
Но не такой душа тебя нашла,
И не родным мне воздух твой повеял.
В твоих степях любимый образ мой
Не мог, опять воскреснувши, не вырость;
Сын севера, люблю я шум лесной
И зелени растительную сырость.
Твоих сынов паденье и позор
И нищету увидя, содрогаюсь;
Но иногда, суровый приговор
Забыв, опять с тобою примиряюсь.
В углах садов и старческих руин
Нередко жар я чувствую мгновенный
И слушаю — и кажется, один
Я слышу гимн Сивиллы вдохновенной.
В подобный миг чужие небеса
Неведомой мне в душу веют силой,
И я люблю, увядшая краса,
Твой долгий взор, надменный и унылый.
И ящериц, мелькающих кругом,
и негу их на нестерпимом зное,
И страстного кумира под плющом
Раскидистым увечье вековое.

**Путешествие
(фрагмент рассказа)**

Есть ложное представление, что будто бы город убивает чувство природы. Я думаю, напротив: город воспитывает естественное чувство, и если мы называем землю матерью, то город -- учитель и воспитатель этого чувства к матери земле. Я бы мог доказать это исторически, проследив, например, в живописи, как возникал интерес к интимному пейзажу с развитием жизни больших городов, но как-то проще выходит, если говорить о своем собственном опыте.

Ранней весной я испытывал такое сильное желание странствовать, что становился больным и неспособным к работе.

Будь у меня крылья, я улетел бы с птицами, будь средства, поехал бы открывать тогда еще неоткрытые полюсы, будь специальные знания, примкнул бы к научной экспедиции. Но не говорю уже о крыльях, не было у меня ни денег, ни полезной специальности. Много мне пришлось побороться с жизнью, пока, наконец, я овладел собой и сначала научился путешествовать без денег, а потом и летать без крыльев -- писать о своих путешествиях.

И трудно же было усидеть в Петербурге весной. Бывало, ночью откроешь форточку и слушаешь, как свистят пролетающие над городом кулики, как утки кричат, журавли, гуси, лебеди -- такой уж этот город, окруженный огромными, неосушенными болотами, что, кажется, вся перелетная птица валит по этому рыжему от электричества небу. Бывало, расскажешь про такое что-нибудь в обществе и так этому удивляются. А случилось как-то сказать в бане на Охте:

-- Нынче ночью гусь пошел.

Голый человек на это сейчас же ответил:

-- То же и хорек в поле подается.

-- Как хорек?

-- Очень просто, хорек зимует в Петербурге, а весной выбирается в поле берегом Черной речки; вечером, если тихо сидеть, можно заметить: весь петербургский хорек валит валом по Черной речке.

-- И, должно быть, тихо ходит? -- спросил другой голый человек.

-- Не очень; хорек, знаете, такое вещество чрезвычайно даже вонюч...

И пошел, и пошел разговор о хорьках с величайшей, нигде не писанной подробностью.

Раз я слушал, слушал такие интересные мне разговоры, купил себе за двенадцать рублей дробовую берданку, синий эмалированный котелок с крышкой, удочки, разные мелочи и начал путешествовать. С тех пор ни одной весны я не пропустил, и все весны были такие же разные, как посещенные мною края, каждая имела свое лицо.

Все обычные путешествия имеют к моему путешествию такое же отношение, как дачная жизнь к обыкновенной трудовой жизни, потому что добывание по пути средств существования ставило меня в такие же условия, как перелетных птиц, тысячи верст до мозолей махающих крыльями. Конечно, без риска ничего не выходит, и мое путешествие без денег тоже рискованное предприятие, но зато когда одолеешь, то непременно сверх лишений остается, как у матери ребенок, -- большая, прочная радость. Помню, я оплавал почти все Белое море и по Северному океану довольно много в России и в Норвегии, пользуясь местными оказиями рыбаков, добывая себе пищу почти исключительно охотой и милостью людей за случайные подмоги. Приходилось ночевать и на лодке, и под лодкой, и на песке под парусом, и раз даже схватить за ногу через дырочку в парусе токующего на мне самом тетерева. И чего, чего только ни бывало во время этого звериного сна, когда спишь и в то же время все знаешь, что вокруг тебя делается. Но никогда я не заботился, чтобы собирать материалы для повести, никогда бы у меня из такого путешествия не вышло ничего хорошего, потому что оно бы не было тогда свободным, и большое великое должно бы подчиниться малому личному. Я заботился только о добросовестном изучении местной жизни, слушал все со вниманием и заносил иногда на лоскутке бумаги (часто на папиросной) интересные мне слова.

Трудно так путешествовать, но что же делать, попробуйте соединиться с ихтиологической экспедицией на Мурман, и вы узнаете жизнь трески, но поработайте с поморами на их первобытной шняке в океане по улову этой самой трески, и вы узнаете жизнь всего края через жизнь трудового человека.

Притча о жизненном пути

Встретились как-то раз на перекрёстке дорог два странника. После приветствия они решили немного побеседовать.

- Куда путь держишь? – спросил один из них.

- Известное дело – налево! – отвечал другой.

Такой ответ удивил первого странника.

- А почему именно налево? Ведь дорог несколько, - поинтересовался он.

- Потому, что я всегда иду только налево, - гордо ответил второй.

- А на указатели ты обращаешь внимание?

- Вот ещё! Я и сам всё знаю.

- Но они показывают, куда ведёт дорога.

- А я знаю, куда она ведёт и без указателя, - высокомерно отрезал второй.

Удивился первый странник, но решил не подавать вида.

- Вот что, дружище, разреши мне пойти с тобой, - спросил он.

- Конечно! Я же говорю – моя дорога самая лучшая! – согласился второй.

- Иди, я скоро догоню тебя, - молвил первый, видя, что его попутчик уже пошёл по левой дороге.

Затем, наполнил из ручья флягу, вырезал из ветвей дерева крепкий шест, и подобрал моток толстой верёвки, который лежал около столба с указателем дорог. После этого он догнал своего попутчика, и они вместе зашагали по дороге.

Однако скоро им преградило путь вязкое болото. Второй странник уже полез было в него, но его остановил первый.

- Подожди! Нужно прежде узнать, где нет топи, - сказал он, и шестом начал проверять тропинку, прежде чем ступить на неё.

Таким образом, они удачно перешли болото.

Далее их путь проходил через пустыню, палящую зноем, но преодолеть её помогла вода, которая была во фляге первого странника. За пустыней им преградил путь крутой обрыв, с которого удалось спуститься только благодаря верёвке, подобранной на перекрёстке. После этого, путники вошли в город, расположенный в долине.

- Признаться, я не смог бы одолеть этот путь без тебя, - честно признался второй.

- Не моя в том заслуга, - ответил первый, - о трудностях на этой дороге было написано на указателе, который ты не захотел прочитать. Я всего лишь выполнил то, о чём там было написано. С этим ты мог и сам справиться. Так узнал бы, что тебя ожидает на этой дороге и решил, стоит ли вообще идти по ней.

Выбор пути – выбор судьбы